Газета Международного союза бывших малолетних узников фашизма. Основана 15 апреля 1993 года.

Судьба

№ 4 /139/ · 2012 г. www. gazeta-sudba.ru

X ФЕСТИВАЛЬ СМИ
ВСЯ РОССИЯ 2005
СОЧИ
26 сентября - 1 октября

Лауреат в номинации «Выступления в защиту прав человека»

На Аллее Боевой славы города Новоуральска торжественно открыта памятная плита узникам фашистских концлагерей.

Не один год вынашивалась идея увековечивания памяти узников концлагерей в Новоуральском городском округе. К её реализации подключились городские власти, просто неравнодушные люди. Собственно сама идея и её продвижение - заслуга местного Совета ветеранов и, в частности, секции узников фашистских концлагерей. Эскиз и чертежи выполнены в комитете архитектуры и градостроительства. Фундамент заложен СП «Таватуй». Плита и гравировка сделаны на предприятии «Звезда скорби». В открытии памятной плиты «Непокорённые. Узникам фашизма (1941-1945 гг.)» участвовали Глава НГО Александр Зайцев, представители отделов и комитетов администрации округа, члены Совета ветеранов, члены молодёжных организаций, школьники.

Юрий ДОРОНИН
Свердловская область

АНТОЛОГИЮ БЕССМЕРТИЯ СОЗДАЁМ СВОИМИ РУКАМИ

По инициативе узницы Саласпилса, профессора педагогического университета в г.Даугавпилс (Латвия) Людмилы Тимощенко и Председателя Саратовского отделения РСБНУ Ады Родиной при активном участии активистов местных и региональных объединений жертв фашизма создаётся антология огромного числа памятников, мемориальных досок в местах пребывания узников в неволе, музейных коллекций, обновлённых и расширенных разделов и выставок в национальных музеях, посвящённых жертвенному подвигу народа в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 г.г.

Часть материалов, связанных с описанием памятников, коллекций и выставок, их фотографии, перечень авторов и созидателей памятных мест, увековечивающих трагизм судеб бывших малолетних узников фашизма, уже собрана и готовится к изданию.

«Судьба» опубликовала список литературных и художественных произведений, посвящённых проблемам узников фашизма и защиты детей и детства. К счастью, он не полный. В редакцию поступают новые книги, созданные талантом и памятью узников.

Перед изданием Антологии намечается публикация в «Судьбе» и списка памятников.

Информацию о деятельности Общероссийской общественной организации «Российский союз бывших несовершеннолетних узников фашистских концлагерей» (РСБНУ) смотрите на сайте www.gazeta-sudba.ru

СОЦИАЛЬНО-ОРИЕНТИРОВАННЫЙ ПРОЕКТ

Инициаторы этой встречи – Международный и Российский союзы бывших несовершеннолетних узников фашизма, а также газета «Судьба», которая выходит в столице Бурятии и является единственным в мире изданием жертв фашизма

Летучка на Байкале

О МЕЖДУНАРОДНОЙ ВСТРЕЧЕ БЫВШИХ УЗНИКОВ ФАШИЗМА – КОРРЕСПОНДЕНТОВ И РАСПРОСТРАНИТЕЛЕЙ ГАЗЕТЫ «СУДЬБА»

Так получилось, что Республика Бурятия, на земле которой не топтались захватчики, откуда не угонялось на чужбину мирное население, стала хранителем внушительного собрания свидетельских показаний против гитлеровской Германии и политических репрессий, которым подвергались жертвы фашизма в послевоенном Советском Союзе. В столицу Бурятии город Улан-Удэ, в редакцию «Судьбы» вот уже двадцать лет идут письма со всех концов бывшего СССР. В них – воспоминания людей, не знавших детства, чудом уцелевших в концлагерях, рассказы о тех, кто вынес тяжелейшие испытания, о сегодняшнем житье-бытье людей, переживших войну. Тысячи документов человеческих судеб опубликованы. О «Судьбе» знают везде, где живут узники – от Калининграда и Львова на западе, до Магадана и Южно-Сахалинска на востоке, от Санкт-Петербурга и Мурманска на севере, до Еревана и Душанбе на юге.

– В наше время далеко не всякая общественная организация может себе позволить роскошь иметь газету, – считает Берта Иосифовна Фабричева, один из авторов проекта «Встреча друзей «Судьбы» на Байкале», – мы, узники, имеем. Представляете, на разобщённом постсоветском пространстве тысячи граждан, особо пострадавших от нацистов в годы войны, общаются через свою газету. «Судьба» издаётся и распространяется при полном отсутствии бюджетного финансирования, исключительно на средства узников. За нами нет ни Березовских, ни Абрамовичей. Благотворители и благодетели газеты – это сами узники. В мае 1993 года они выпустили первый номер «Судьбы», с тех пор подпиской обеспечивают регулярный выпуск издания, спасая его в критических ситуациях. Вот мы, проживающие в Улан-Удэ узники, и решили собрать друзей «Судьбы» на Байкале. Думаю, каждому интересно узнать: где, как, при каких условиях выходит «Судьба», что делается, чтобы её сохранить.

Надо сказать, что само появление и столь длительное существование газеты «Судьба» было бы невозможно без внимания и поддержки со стороны общественности и руководства Республики Бурятия, где веками сложился и скреплён дух высокой толерантности и доброжелательного поведения, где глубока память о Великой Отечественной войне 1941-1945 г.г. Проявлением высокого внимания к малолетним узникам фашизма и их газете стало недавнее предоставление правительственной субсидии на возмещение части затрат, связанных с реализацией проекта международной встречи бывших узников фашизма в Улан-Удэ, а также организационная поддержка мероприятий этой встречи.

Но вот вопрос, который волнует организаторов: «А приедут ли на Байкал те, ради кого затеяно мероприятие?»

Да, ушли в прошлое памятные времена, когда Сибирь и Дальний Восток были доступны для людей, искавших не только романтики, но и интересной, благополучной жизни. Сегодня ситуация изменилась. Россиянину из Москвы проще добраться до турецкого берега или Африки, чем до Байкала. Тем не менее, стало известно, что собираются в Улан-Удэ поклонники «Судьбы» из Ангарска и Тюмени, Москвы и Подмосковья, Брянска и Костромы, Владимира и Петрозаводска, Челябинска и Екатеринбурга, Новосибирска и Кемерово. Из далёкого Минска позвонила член редакционной коллегии Людмила Пунинская. Передавая привет от Президента Белорусской Ассоциации бывших несовершеннолетних узников фашизма Н.А.Лыч, Людмила Пунинская добавила: «Будем обязательно!»

Белорусские товарищи рассчитывают на финансовую поддержку администрации президента, местных и региональных органов социального обеспечения, благотворительных организаций. И правильно!

Там, где узники востребованы, что называется, на виду и действуют в контакте с администрацией и общественными организациями, активно участвуют в патриотическом воспитании молодёжи, присматривают за одинокими и обездоленными товарищами по былым несчастьям, там, несомненно, их поддержат. Кто-то из тех, кто собирается в Улан-Удэ, надеется на помощь спонсоров. Кто-то - на детей, внуков и правнуков, которые зарабатывают и в состоянии подарить своим ветеранам-старикам увлекательную поездку на Байкал. А кто-то, оказывается, привык к поездкам по родной стране и готов приехать на Байкал за свой кошт.

– Читая газету № 138, обратил внимание на строку о возможной встрече актива «Судьбы» на Байкале. – Пишет Олег Алексеевич Варганов из Ленинградской области. – Сразу же рука потянулась написать в редакцию, узнать, уточнить. Я 18 лет прожил в Сибири. Новосибирск, Красноярск, доезжал до Читы. Бывал в Улан-Удэ, 2 года служил на границе – в Кяхте. – Сейчас мне идёт 73-й… Не стало жены, потерял сына. Другой сын, ему 47 лет, помнит эпизоды моей молодости и подтрунивает надо мной в связи с мечтаниями успеть побывать в Сибири, и, конечно же, на Байкале. Живу я на Ладожском озере 35 лет, вокруг красота, но, признаюсь, всё равно – не ТО. Очень прошу сообщить сроки и место встречи…

Заметим: автор этого письма – подписчик «Судьбы» с 1997 года.

Выполняя просьбу О.А.Варганова, сообщаем: встреча в Улан-Удэ состоится 16 ноября, в Международный день толерантности. Другие подробности – в отдельном приглашении Оргкомитета.

Л. СИНЕГРИБОВ
Главный редактор газеты «Судьба», член Оргкомитета международной встречи БМУ

ПИСЬМА ЭТИХ ДНЕЙ

Хотелось выжить, чтобы жить

ЗДРАВСТВУЙТЕ, уважаемый Леонид Кириллович! Пишет Вам все та же респондентка из г. Рязань – Примакина Г.С. (См. «Судьбу» №№ 104, 115 и др. – РЕД.) Как видите, я все еще живая! Слава Богу!

Живу я по-прежнему одна (мне скоро 83 года). На 5-м этаже. Из дому выхожу редко. Никого около меня нет, кроме моего последнего счастья – черного кота с белым носиком и такими же лапками. В общем, некому даже рассказать, о чем я думаю. Вот и пишу Вам. (инвалид, глухота 2-й стадии).

В одном из номеров нашей с Вами «Судьбы» было напечатано стихотворение бывшего малолетнего узника, в котором была такая строка: «Хотелось выжить, чтобы жить». Меня очень поразили эти слова. Как это правильно, метко сказано! И как мне близко!

Шел 42-й год. Полгода, как началась война. Тогда, в июне 6-го числа, мне исполнилось 11 лет. А с 19 января я в окруженном г. Холме. Город районный, всего-то и населения до войны 30 тысяч. Окружен нашей Армией. Внутри немцы и довольно большая часть населения (бежать-то было некуда). Сожгли Холм еще в июле 41-го. А теперь все кругом простреливается. Днем и ночью строчат пулеметы. Пушки, снаряды, бомбы. Даже «Катюши» термитными снарядами уже два раза стреляли по нам. А мы в банях (в уцелевших домах немцы), на огородах, в окопах, подвалах. Где кто может. Земля под снегом устлана трупами. Немцы своих складывают большими штабелями. В нашей семье уже погибло семь человек, осталась я одна. Из родни – тетя, мамина 50-летняя сестра. Она в тифу, опухшая, завшивленная, как и я. Живем в чужой бане на чужом огороде.

Идет 4-й месяц окружения. Апрель. В бане, где я выживаю, молодой учитель, кажется, биологии, очень близорукий, в очках. У него недавно умерла от тифа такая же молодая жена – учительница и маленькая трехлетняя дочь. В минуту затишья, глядя в небольшое банное окно на белый свет, он мне неожиданно говорит: «А знаешь, Галя, идет апрель. Скоро 1-е Мая. Обязательно будет наступление наших (тогда ведь все планировалось к праздникам). Может быть, нас освободят?! Будут еще более страшные бои, чем сейчас. Хотелось бы выжить. Ты как считаешь?»

– Хотелось бы, – говорю. – А как?

– Когда пойдет наступление, хорошо бы спрятаться в окопчик.

– Да, – говорю, – хорошо бы.

А за окном (начало апреля) еще снег, земля мерзлая, нет ни лопаты, ни тем более лома. И мы, как и все, голодные, чуть живые, переболевшие тифом.

И этот вот учитель мне, 11-летней, говорит: «А может быть попробуем с тобой рыть окопчик (остальные в бане лежат, кто в тифу, кто от голода на полках, каких-то стеллажах, на полу)».

– А что? Давайте попробуем, – говорю.

Где-то он добыл на другой день две лопаты, лом. И мы очистили прямо под окном бани площадочку от снега. И стали долбить мерзлую землю. Выходили по нескольку раз в день, понемножку. И к концу апреля окопчик был готов. Буквально для двух человек, правда. Узенький зигзагообразный ход метра полтора в земле. Сверху прикрытый деревянным хламом и присыпан землей. А потом в один из обстрелов, еще до 1 Мая, в нем прятались все, и те, кто лежал и над нами посмеивался, что копаем.

Наступление наших было. Но тогда, к сожалению, нас не освободили. Так как закончилось оно тем, что немцы пробили себе дорогу к железнодорожной станции Локня. Они, немцы, оставались в Холме еще и до февраля 44-го года.

А я, выжившая в этом аду, раненная в плечо, по дороге, пробитой немцами, пошла под конвоем дальше на эту войну. И в упомянутом 44-м в апреле была уже за колючей проволокой (как живой трофей и дочь партизана) в лагерях Круппа в Германии в г. Эссене.

Много трудных весенних дней прошло. И одному Богу только известно, что этой девочке (то есть мне) пришлось пережить в этих разграбленных деревнях среди болот, и полгода в Латвии у кулака. И вот теперь в лагере. А война-то все идет. И неизвестно, чем закончится.

Лагерь большой, края не видать. Не один раз переносился барак с места на место. Но все за той же колючей проволокой. Его жгли, бомбили и снова восстанавливали. На старом месте, под бугром сохранились цементированные бункера, такие длинные ходы под землей (немцы в начале войны их строили для лагерников, а к концу перестали).

Вот и прослышала я от девушек-украинок, что они по ночам уходят в эти бункера, чтобы спасаться от ночных бомбежек американцев. Скоро и я туда стала с ними ходить. В лагере я была все с той же тетей, маминой сестрой. Она работала, а я, изможденная, столько пережившая и до лагеря, на работу на предприятиях не годилась. В бункере голодная, живой скелет, садилась на корточки (цементные стены, пол) около стены на свой узелок (кое-какое белье). В руках держала маленькую детскую сумочку, в которой бумажки, 2 фото из дома и памятные вещички, например, осколок из моей раны, и так спала примерно полтора месяца, пока не разбомбили и не сожгли этот лагерь окончательно.

Вот так, при тех-то обстоятельствах, хотелось выжить, чтобы жить!

Живу, т.е. выживаю и сейчас. Одним словом, живучая! И удивляюсь, как это сейчас в мирное и такое хорошее время, есть люди – пьяницы, наркоманы, чуть заболевшие и сникшие! Почему не ценят жизнь?! Ведь она – дар Божий. И каждый день – подарок (как давно уже было кем-то сказано).

Расскажу и еще об одном памятном случае. Почему я, Леонид Кириллович, в своих письмах-воспоминаниях часто ссылаюсь на Бога.

Было это в мае 42-го, когда немцы пробили себе дорогу из Холма, нас под угрозой моментального расстрела выгоняли из бань, блиндажей, подвалов. Гнали к реке. Ловать (название реки) в разливе. На лодках переправляют нас на ту сторону. Место нашими хорошо пристрелянное. И как только лодка (их 4 – 5) отходит от берега, по ней стреляют. Иногда попадают, тогда все ко дну. Слава Богу, часто только поливают осколками и водой.

Пришло время и нам с тетей сесть в лодку. У меня за плечами самодельный рюкзачок с кое-какими вещами из одежды, а в руках – узелок, в котором небольшая миска (эмалированная или алюминиевая, не помню, где-то подобрали), в которой две столовые ложки (может где-то есть будем), помятая банка немецких консервов (подобрала тайно от немцев на том месте, где им сбрасывали парашюты) и такой же помятый полураскрошенный кусочек немецкого хлеба, подобранный там же и сбереженный для дороги. Этот узелок я держу на весу, немного отставив руку в сторону, чтобы водой не намочило. Другой рукой держусь за край лодки. Рядом тетя, обняла меня за плечи, чтобы я не вывалилась из лодки, и если погибнуть – то вместе. Чуть отплыли. И тут же обстрел. Снаряды рвутся рядом. Треск, брызги. И вдруг – тюк! Что-то по миске. И весь узелок выбило из рук, и он канул в воду. Так погибла последняя надежда на это крошечное питание. И главное – ложки! Мы с тетей на всю войну остались без ложек. Одну нам кто-то из холмичей потом дал, поделился, себе оставив одну на двоих. А второй так до конца войны у нас и не было. Даже в лагерях ели иногда несъедобную баланду одной ложкой, по очереди.

Только в первые дни мирного времени, но еще в лагерях, у одной украинки я экспроприировала (украла) ложку себе. У нее было две, но по-доброму она мне не дала.

А вот тот осколок мог ударить не по миске, а по моей руке. Так что Бог-то везде, всюду с нами и в нашей душе тоже (правда, в последнее время не у каждого).

7 февраля 2012 года. Тышкевич – Примакина Г.С. г. Рязань

P.S.: Хочу для молодежи пояснить, почему наши стреляли по нам, по своим. Война, ребятки. Там некогда было разбираться, кто, где? И все, кто находился на занятой немцами территории, уже почти считались врагами. Это был, как я уже сказала, «живой трофей». А также среди них были и предатели. Но были и партизаны, их связные, сыгравшие немалую роль в Победе. Что характерно, даже те, в кого стреляли свои, понимали, что это вынужденно, необходимо все ради Победы. Не обижались.

P.S.: Леонид Кириллович, хочу попутно напомнить, что у Вас должны быть еще два моих рассказа, которые не были напечатаны. Это про «овцу», если помните. Вам понравилось. Это маленький. Более длинный – «На войне, как на войне» или мой случай про то, как я, обращаясь к линии фронта, т.е. и к нашим, и к немцам, кричала: «Люди, люди, помогите!» А по мне в ответ стреляли. Для меня неважно, будете ли Вы их, или то, что высылаю, печатать. Главное, чтобы они были в Вашем архиве. Может после очередного «конца света» потомки почитают.

С уважением, Галина Степановна. Доброго Вам здоровья на многие годы и хорошего настроения. Вернулся ли ваш внук со службы? И привет маленькой Сашеньке от далекой бабушки Галинки и кота Баськи.

Галина Степановна ПРИМАКИНА
Рязань

СПАСИБО ВАМ, что напечатали мое письмо и стихотворение ("Узнала правду об отце" "Судьба" №4 2011 год). Ведь благодаря этому сбылась моя надежда отыскать кого-нибудь из бывших малолетних узников концлагеря "Димитравас". Сразу же после выхода газеты мне позвонила Людмила Михайловна Голодяевская (Уютова) из Самары. От радости и волнения мы плакали, вспоминая давние события, имена, дорогие лица... Она, оказывается, сразу же узнала это стихотворение. Оно у них в Самаре давно находится в музее "Непокоренные", вклеено в большой альбом "Дети концлагеря "Димитравас". Его прислал из Литвы Витаутас Римгайло, оно хранится в музее 105-го погранотряда в г. Кретинга. А привезла его моя мама еще в советское время на юбилейную встречу ветеранов-пограничников и членов их семей. Людмила тоже приезжала на эти встречи, а я, к сожалению, не могла из-за своей работы (всегда в эту пору - госэкзамены). А потом позвонила Савинова (Садовникова) Тамара Александровна из г. Асбест Свердловской области. И опять радость со слезами на глазах. Вспоминали своих родных... Наши мамы знали друг друга до войны, дружили и, как все офицерские жены, сразу же вместе с детьми попали в концлагерь для советских военнопленных "Димитравас". Там они помогали друг другу спасать прежде всего детей. Это была настоящая эпопея материнского подвига. И мы, их дети, это знаем и помним. Вечная благодарность и вечная память святым нашим матерям! В 1943 году начался массовый угон в Германию, они потеряли друг друга, были в разных лагерях Польши, Германии. А ближе к концу войны встретились в лагере Франкфурт-на-Одере. Последний лагерь, где нас освободили, в г. Швибус. С Людмилой мы теперь часто общаемся по телефону и в письмах, как сестры родные. У нас много общих интересов. Она мне выслала несколько статей из газет своих и других авторов о ней, а также фото разных лет и своего недавнего творческого юбилейного вечера (70-летие). Зная мою любовь к поэзии и музыке, она отксерокопировала и выслала мне большой сборник своих стихов, изданных в разные годы, а также ноты и аудиокассету с записью песен на ее стихи в концертном исполнении солистов и детского хора. Композиторы - Э. Глазкова и Е. Лиманская - ее подруги. Моя сердечная благодарность и низкий поклон всем авторам и исполнителям! Я ведь знаю, насколько эта творческая работа еще и трудоемкая и дорогостоящая. Людмила не только прекрасный человек, но и замечательный поэт. Я узнала, что на ее стихи написано более 15 песен. Она постоянный лауреат городских и областных литературных конкурсов, член Российского Союза профессиональных литераторов. Стихи она начала писать еще в школе. Но в литинститут ее не приняли, хотя она блестяще сдала экзамены. Из КГБ сообщили, что она была в плену... Да, можно отнять право на высшее образование, но отнять талант нельзя!

И Людмила щедро делится своим талантом, дарит стихи своим родным, друзьям и близким. Читаю и удивляюсь, сколько в них тепла, света, любви, доброты, искренности! А какие трогательные стихи-посвящения она дарит своим подругам-соратникам "сестричкам по судьбе" - Зинаиде Петровне Галушко, Аде Родиной и Лине Раводиной: "мы с тобою созвучны и душой и судьбой"...

А ее стихи о военном прошлом! Они пронзительны до слез...

Мне говорят:
– Ну что ты можешь помнить,
Ведь ты была совсем мала? –
А я хочу неверящим напомнить:
Мне мама память сердца отдала...
Не помню я освенцимские печи,
Концлагерь, что на Одере реке,
Но помню мамины опущенные плечи
И номер пятизначный на руке.
Забыла я веселого танкиста,
Что дал кусочек хлеба мне,
Не помню я последнего фашиста,
Но до сих пор кричу во сне.
Я Родины не помнила, не знала.
Не понимала русских слов,
Но помню: мама землю целовала
У пограничных тех столбов.
Забыла я и холода, и беды,
Не помню унижений и обид,
Но до сих пор я плачу в день Победы,
И сердце почему-то... так болит!
Я помню, где четыре года были,
Хоть и была еще мала.
Я помню все, что многие забыли:
Мне мама память сердца отдала!

Рада сообщить, что теперь стихи и песни Людмилы Голодяевской звучат и в Новокузнецке. Я пою в ветеранском вокальном ансамбле клуба "Гавань". Он известен в городе. В этом году мы заняли первое место среди аналогичных коллективов города. Ежемесячно мы даем концерты, у нас своя постоянная публика. Я познакомила своих подруг-певиц с творчеством Людмилы. Аудиокассету мы слушаем и вместе, и индивидуально дома. Каждый выбрал песню по своему голосу и по душе, некоторые песни уже включили в свой репертуар и поем. Копию аудиокассеты я лично передала в г. Кемерово нашему областному председателю бывших малолетних узников Шураеву А.Ф.

Вот так, благодаря газете "Судьба", сбылась моя надежда – я нашла человека, которого душа моя искала – Людмилу Голодяевскую. Спасибо, тебе, "Судьба" за этот подарок!

С уважением и пожеланием добра, бывшая малолетняя узница фашизма

Элеонора Михайловна ИЛЬИНЫХ (БАРАНОВА)
Новокузнецк,
Кемеровская область

P.S. Мечтаю в нашей газете увидеть рубрику "Творческий клуб", в нем стихи, рассказы, песни и т.д. таких людей, как Леонид Тризна и других близких нам по духу поэтов.

КИРОВСКИЙ районный Совет БМУФ с прискорбием сообщает, что 1 мая 2012 года на 77-м году жизни скончалась Иванова Зинаида Яковлевна, которая создала нашу организацию и в течение 19 лет была ее бессменным председателем. Светлая память об этой замечательной женщине навсегда будет жить в наших сердцах. Пока мы живы, мы будем продолжать то дело, что в течение своей жизни проводила Зинаида Яковлевна. Нас в Кировском районе Ленинградской области осталось 596 человек.

С уважением, от имени бывших узников фашистских концлагерей –

Людмила Ильинична ПАНЬКОВА
26.06.2012.
Ленинградская область

БЫВШИЙ малолетний узник концлагеря "Шталаг-342" Кузин Евгений Петрович – Почетный гражданин города Карачев Брянской области, историк-краевед, член Союза писателей, автор книги "Хацунская исповедь", собравший огромное количество материала о расстрелянных фашистами земляках. Благодаря во многом Е.П.Кузину в Хацуни появился мемориальный комплекс-памятник всем сожженным брянским деревням. Наш товарищ - ветеран в честь дня России заслуженно награжден памятной медалью "Патриот России". Медаль Российского военного историко-культурного центра при Правительстве Российской Федерации вручается за личный вклад в работу по патриотическому воспитанию, проявление патриотизма в служебной, военной, трудовой и общественной деятельности. Вручение медали Кузину Е.П. состоялось накануне "Дня памяти и скорби" главой Карачевской районной администрации Бабковым В.Ф. в присутствии всех бывших несовершеннолетних узников фашизма, общественности города и района.

3 стр.

ПИСЬМА ЭТИХ ДНЕЙ

2 стр.

Все от души поздравили Евгения Петровича с заслуженной наградой за его многолетний труд по сохранению памяти о злодеяниях фашистов на Брянщине, увековечению имён невинно погибших. Этому благородному делу наш товарищ посвятил почти 50 лет своей жизни.

Скоро выйдет в свет продолжение книги Кузина Е.П. "Хацунская исповедь", из которой читатели узнают, кто отдал приказ о расстреле Хацуни. Есть в книге и такой эпизод: когда отряд партизан пришел в Хацунь, среди расстрелянных нашли пятилетнюю девочку, раненную в плечо. Она чудом осталась жива! Книга "Хацунская исповедь" буквально "обжигает душу" читателя и вызывает чувство гнева к проявлениям фашизма.

Поздравляем Евгения Петровича с заслуженной наградой, пожелаем ему здоровья и дальнейших успехов в краеведческой и литературной деятельности!

В. КУЛИКОВСКАЯ,
корреспондент газеты "Судьба"
Брянская область

НАША СПРАВКА

Строительство мемориального комплекса в Хацуни обошлось в 57,4 млн. рублей. Это средства бюджета Брянской области, фонда Президента России, предприятий и организаций Центрального федерального округа, а также личные пожертвования жителей Брянщины.

На свечу Хацуни внесли свой вклад и бывшие малолетние узники фашизма. Как сообщили в фонде поддержки мемориального комплекса «Партизанская поляна», на счёт которого перечислялись средства для строительства комплекса «Хацунь», там не ожидали, что вклад узников превзойдёт все ожидания. Переводы от 300-400 рублей до 1,3 и 5 тысяч шли от узников со всех концов России.

20 000 рублей на мемориал «Хацунь» перевела москвичка Раиса Константиновна Лунина (Лоскутова) – ветеран труда, дочь участника Великой Отечественной войны, малолетние дети которого с оккупированной фашистами Брянщины были угнаны в Германию.

ПЕРЕДАЮ в редакцию «Судьбы» своё несостоявшееся выступление на отчётно-выборной конференции РСБНУ 9 декабря в Москве.

«Сегодня у меня, очевидно, последняя конференция. Почему? Потому что у нас не принято приглашать на конференции, даже юбилейные, тех, кто отдал десятилетия служению узническому делу. Таких людей, как правило, забывают. Считаю, что это не по совести. Зачинателей движения, настоящих подвижников забывать нельзя.

Признаюсь, я долго готовила себе замену. Филатова Валентина Николаевна, делегат конференции, прошла долгий путь становления в качестве руководителя. Недавно её избрали Председателем Калужской областной организации.

Вместе с ней в нашей области, где проживают десятки тысяч узников, где хорошо знают, что такое война, мы создали 24 городских и районных организаций, которые входят в Калужское отделение РСБНУ и подотчётны областному Совету БМУ. Раздрая, который наблюдаю у некоторых, у нас нет. Регулярно проводятся отчёты и выборы. Руководители местных отделений отчитываются за проделанную работу, делятся опытом. Мы установили 22 памятника. На открытие монумента в Козельске к нам приехали участники международной встречи бывших узников фашизма, которая проходила в Калуге. Издано 5 книг об узниках фашистских концлагерей, их тиражи передали в библиотеки области. А книгу В.В.Литвинова «Поезд из ночи» - это наша библия - перевели с украинского и издали массовым тиражом для распространения по всей России. Наша организация приняла две гуманитарные помощи из Германии. Я даже одну ночь ночевала в Москве на вокзале, так как таможня из-за наличия в коробках аспирина наложила арест на подарок немцев. В улаживании конфликта обошлась без переводчика.

Однажды мы выиграли грант в один миллион рублей в номинации «Милосердие в действии». На этот миллион три группы наших узников побывали в замечательном санатории «Приозёрный», что в Белоруссии. По приглашению благотворительной организации «Максимилиан Кольбе-Берк» организовала отдых большой группы наших товарищей из Брянска, Орла и Тулы. Стараниями бывшего узника фашизма Пчелкина Александра Андреевича, его товарищей и учителей школы № 6 в г.Киров, где в годы оккупации активно действовали партизаны и зверствовали захватчики, создан музей узничества и людских потерь. Среди уникальных экспонатов - журнал «Унтерменшен» - «Нелюди», изданный в 1943 году. Экземпляр остался у меня с войны и я его сохранила на всю жизнь. Ко мне приезжали немцы – корреспонденты популярного в Германии журнала «Штерн», просили реликвию за большие деньги. Этот журнал передан в музей Великой Отечественной войны на Поклонной Горе. Копии хранятся в Киевском музее «Антифашист» и в музее г.Киров.

Большинство наших организаций создали коллективы художественной самодеятельности, у нас замечательный хор. Встречи с молодёжью весьма содержательны, эмоционально насыщены.

Когда я слышу озабоченности тем, как бы не распался наш Российский Союз БМУ, недоумеваю. Разве возможно такое? Оказывается, возможно, если будут дробиться организации, если каждое из объединений будет вариться в собственном соку и не заботиться об интересах союза, если даже в таких крупных организациях, как Москва и Московская область, не будет единства. Чтобы мы не распались, нужно жить по Уставу, по совести. Ну разве не позор, что у организации, объединяющей более 100 тысяч россиян, нет в Москве своего офиса? У нас в области в каждом районе есть помещение, где узники-ветераны ведут приём едва ли не ежедневно.

Нельзя работать вполсилы. А работать на всю катушку, как раньше, – сил нет. Что бы посоветовала руководителям организаций, которые держатся за свою должность до последнего? Проявите благоразумие: почувствовал недомогание – отойди в сторонку, рядом есть товарищи, которые смогут работать не хуже тебя.

Людмила Ивановна ЕРМОЛЮК,
Почётный председатель Калужской областной организации РСБНУ

НАША СПРАВКА

Л.Н. Ермолюк находилась в созданном эсэсовскими медиками Ретцевском детском доме, где производился принудительный забор крови малолетних невольников.

В мае 1945 года освобождённая из плена девочка выполняла не совсем обычное задание военного командования. В качестве парламентёра и переводчицы она не раз спускалась в подвалы разрушенных либо сгоревших домов Берлина, где вместе с гражданским населением скрывались оголтелые гитлеровцы, убеждала мирных людей расходиться по домам. За этот поступок двенадцатилетняя Люда Руденкова (девичья фамилия) награждена боевым орденом.

ОТ ИМЕНИ Совета Новомосковского отделения УСУЖН Днепропетровской области Украины пишет Вам председатель Совета Коваленко Людмила Ивановна.

На Ваше замечание «Почему молчите?» сообщаю, что мы все до сих пор в шоковом состоянии. Умер Полищук Николай Владимирович, после тяжелой продолжительной болезни он ушел от нас навсегда. Это был очень добрый, умный, отзывчивый человек, умел помочь словом и делом. Мы очень часто его вспоминаем, много хороших и добрых дел он оставил, но дело его продолжает жена, Екатерина Григорьевна Полищук. Пришла она к нам по зову сердца, сейчас работает у нас администратором в проекте «Твоя стежина в рідніm краі» в рамках программы «Место встречи – Диалог». Этот проект координирует Всеукраинская Благотворительная организация «Турбота про літніх в Україні» при финансовой поддержке немецкого благотворительного фонда «Память, ответственность, будущее»

Очень прошу Вас, напечатайте автобиографию нашего товарища Николая Владимировича Полищука.

С искренним уважением –

Л.И. КОВАЛЕНКО.

«Родился я 25 апреля 1942 года в селе Серединцах Шепетовского района Хмельницкой области. Отца я не помню, он погиб в конце войны. Моя мама, крестьянка, работала в колхозе, я учился в деревенской школе, десятилетке. Военные годы я, конечно, не помню и все, что было со мной и нашей семьей, я впоследствии узнавал из рассказов матери, сестры, а также теток, которые жили все время с нами. Жила с нами также моя бабушка Марина, пережившая два голода и ужасы войны. Я очень любил свою бабушку Марину, практически она воспитала меня. У моей бабушки было двенадцать детей, но голод 1933 года погубил почти всех ее детей, осталось три дочери, среди которых была моя мать.

Во время войны, а точнее в начале 1944 года, всех трех дочерей бабушки немцы вывезли в Германию, в том числе с моей мамой и меня, когда мне исполнилось два года. Немцы уже чувствовали свое поражение и сильно зверели, забирали с собой все, что могли, все, что представляло какую-то ценность, либо могло пригодиться.

Молодых девушек и ребят немецкие оккупанты забирали каждый год войны. В начале 1944 года была очень суровая зима, стояли сильные морозы. Тогда немцы стали по нашей деревне собирать молодежь для отправки в Германию. Мы все, моя мама и мои тетки, вместе со мной спрятались в погреб, но немцы нас нашли. Когда нас забирали, бабушка очень просила немцев, чтобы они оставили мою маму и меня, но в ответ немцы ударили бабушку в голову прикладом. Когда немцы нас уводили, то бабушка так и осталась лежать на земле. Под дулами автоматов нас отвезли в колхозный амбар, куда свозили молодежь со всей деревни.

В Германию нас везли в товарном вагоне. Было очень холодно. Люди грелись, прижимаясь друг к другу. Моя мама, вспоминая этот вагон, всегда очень плакала. Она рассказывала мне, что хотела лишить меня жизни, чтобы я не мучился, и когда я спал, то раскрывала меня, чтобы я простудился и умер. Но наперекор всем бедам и лишениям я выжил и даже не болел. В Германии нас привезли в город Колстрат, в концлагерь, где находились только женщины. Мою маму и меня определили в семейное отделение, там находились женщины с детьми. Две сестры матери, то есть мои тетки, находились в общем лагере. Лагерь был, как все лагеря, состоял из нескольких бараков, огражденных колючей проволокой и охраняемых огромными собаками. Я, конечно, всего этого не помню, но эти собаки мне снились по ночам и до сих пор снятся, почему-то у них были красные пасти, и с языка капала слюна красного цвета, как кровь.

Все женщины работали на ткацкой фабрике, их туда возили на грузовиках, а нас, детей, закрывали в одном из бараков, где мы находились целый день голодные. Если мы плакали, то надзиратели сильно били нас палками по ребрам. Чтобы мы не разбредались, то надзиратели привязывали нас к столбам веревками. Мама всегда плакала, когда вспоминала об этих днях в концлагере.

Мама рассказывала, что дети были до того истощенные и худые, что глаза были как ямы глубокие и большие, а когда дети плакали, то слез не было, дети плакали без слез, потому что их не было. Мама рассказывала, что на детей нельзя было смотреть без содрогания, без душевной боли.

В концлагере мы пробыли целый год, пока нас не освободили американские войска. Из двух моих теток, одну сразу забрал, как мы прибыли в концлагерь, один немец к себе на усадьбу, где она работала на него. Тетя впоследствии рассказывала, что ей на усадьбе пришлось несладко, но все равно не то, что в концлагере. Впоследствии тетка встретилась с военнопленным литовцем, за которого вышла замуж. Так как мы были на территории освобожденной американцами, то тетка не вернулась домой, а с литовцем уехала в Англию, а затем в Америку, где и живет в настоящее время. Я, будучи уже взрослым, ездил в гости к своей тетке.

После войны мы вернулись с мамой домой. Нас встретила наша бабушка, она сильно постарела, была вся седая от переживаний за нас. Можно представить, каково было бабушке, иметь двенадцать детей, и остаться одной, было от чего поседеть. Радости бабушки не было предела, когда она увидела нас. Моя бабушка пережила еще один голодный 1947 год и прожила 90 лет.

После войны был сильный голод. Это время я уже хорошо помню, особенно голодный 1947 год, который был не урожайным. Я помню, что хлеб пекли из отрубей, добавляя туда картошку и еще что-то, получалось какое-то черное месиво, которое можно было есть только после выпечки. Борщ варили из лебеды… Меня и таких как я детей заставляли ходить на поле собирать колоски пшеницы после жатвы, хотя было строго запрещено собирать колоски для себя. Собирали эти колоски специальными грабарками, при этом все равно очень много оставалось колосков, и мы собирали их потом тайком. Чтобы бороться с расхитителями социалистической собственности были назначены, так называемые, «обьезчики», которые были очень свирепые. Они ездили на лошадях и носили специальные нагайки, на конце которой была зашита пуля от патрона (патронов тогда было много), и, если попадешься, то от удара этой нагайкой рассекалась не только рубашка, но и кожа. Мне тоже доставалось такой нагайкой несколько раз. Даже у немцев в концлагере не было таких нагаек.

О том, что мы были в концлагере, никто не говорил, никто не спрашивал. Я сам не придавал этому большого значения. Мои сверстники даже не знали, что я был в концлагере. Если и говорил кто-то о том, что мама и я были в Германии, то на этом разговор и заканчивался. Разве что к нам приходили иногда мамины подруги, которые были с ней в концлагере, вспоминали, плакали о том, что кого-то замучили, кого убили. Я всегда сидел с ними и слушал их горестные воспоминания. Но больше никто и нигде не вспоминал о концлагерях. Говорили в основном о военнопленных. Мой отчим тоже был военнопленным и также был в плену в Германии, но у нас с ним были плохие отношения, поэтому я никогда и ни о чем его не расспрашивал.

В то время героями и уважаемыми людьми были фронтовики с орденами и медалями, их везде почитали. Везде были их портреты в школах, в учреждениях. А о бывших узниках концлагерей никто не вспоминал. У меня тоже таких воспоминаний не было, разве только собачьи оскалившиеся морды, да боли в голове. Боли в голове остались в наследство от побоев в концлагере, так как били нас очень часто. По окончании десятилетки в 1960 году мне надо было чем-то заниматься. В школе я учился неважно, и для того, чтобы поступить учиться в высшее учебное заведение, в то время нужны были приличные знания, которых у меня не было. Шахтером я стал случайно. Как-то раз увидел в газете обьявление о том, что одно из училищ Донбасса готовит машинистов электровозов. Я подал документы в это училище, мечтая о том, что буду водить электровозы по железным дорогам, но когда поступил, то тогда понял, что водить электровоз мне предстояло в шахте. Я был огорчен, но училище не бросил, а окончив его, навсегда связал свою судьбу с щахтами. Работая сначала машинистом электровоза, затем «грозом» (горнорабочим очистного забоя), проходчиком в шахтах Донбасса и затем Воркуты. Работа в шахте – это всегда очень тяжелый и опасный труд, а зачастую на грани жизни и смерти.

Так, помню свой первый ознакомительный спуск в шахту. Нас, молодых ребят с училища, провели по всем выработкам шахты, где добывали уголь. В те годы технология крепления выработок была старая, крепили деревянными стойками (в настоящее время стойки металлические). Под давлением пород деревянные стойки трещали и ломались как спички. А угольный пласт был средней толщины (1,0 – 1,2 м), то есть надо было идти

4 стр.

3 стр.

согнувшись, а в некоторых местах на коленках. Это был ужас, когда мы двигались таким образом, то со страха казалось, что кусок породы упадет на голову или раздавит. После этой прогулки многие, более слабые духом, ушли из училища, но я остался. Шахтеры, постоянно спускаясь в забой, привыкают к этой среде, к опасности и зачастую о ней не думают. Хотя шахтер, будучи в забое, всегда какой-то своей частью тела настороже, без этого нельзя. Шахты Донбасса и Воркуты отличаются по условиям и трудностям работы шахтеров. В шахтах Донбасса на глубине 1,5 тысяч метров, температура доходит до 30 градусов и выше, в такой жаре очень трудно работать, пот заливает лицо, жажда мучает, напиться просто невозможно, так как вода становится такой же температуры, что и воздух, это адский труд.

В Воркуте все наоборот, холод жуткий, работать в одежде нельзя, надо раздеться, а разденешься, то надо работать, иначе замерзнешь, это все кроме опасностей. Это вкратце о работе щахтеров, об их тяжелом и опасном труде. И в этой среде, в этих условиях я прожил половину своей жизни, из них 17 лет в Донбассе, 12 лет – в Воркуте.

Если говорить о наградах, то их редко кому давали, давали в основном избранным, для этого людей специально подбирали, это была система. Я, будучи коммунистом, мог получить только выговор или что-то подобное, независимо от заслуг и достижений.

Затем служба в Советской Армии, танковые войска, поселок Гвардейский Новомосковского района Днепропетровской области. После службы в СА, я окончил Московский горный институт. Работал горным инженером на разных должностях. В 1992 году вышел на пенсию.

О том, что я бывший узник концлагеря только раз вспомнили при советской власти. После окончания института за хорошую учебу меня отправили работать в Алжир, но перед отправкой у меня было собеседование (без этого не обходились загранпоездки). На собеседовании мне вспомнили, что я бывший узник, а также то, что моя тетя живет в Америке. На этом моя поездка в Алжир и перспективная карьера закончилась. Только во времена перестройки вспомнили об узниках концлагерей и дали им льготы.

В настоящее время живу в г. Новомосковск. Женат второй раз, первая жена тоже работала, как и я в шахте, умерла в раннем возрасте от силикоза, оставив на меня двоих детей. Со второй женой я живу и сейчас. Это все».

ОТ РЕДАКЦИИ

Николай Владимирович Полищук скончался 20 февраля 2011 года.

УХОДЯТ ветераны войны, но остаются самые молодые свидетели той кровопролитной войны, последние свидетели – несовершеннолетние узники фашистских концлагерей. Бабушками и дедушками стали те мальчишки и девчонки, чьё детство прошло за колючей проволокой и в фашистских застенках. Живут такие свидетели и в нашей Тюменской области.

Тюмень далека была от военных действий, но по воле судьбы оказались здесь бывшие несовершеннолетние узники фашизма и бывшие остарбайтеры – рабы Ш рейха. 148 человек таких свидетелей проживает в Тюменской области.

С 1994 года существует в г. Тюмени Тюменская областная общественная организация бывших малолетних узников фашистских концлагерей. При помощи стараний и усилий Маркадеевой С.Г. и на средства администрации города на площади «Память» г.Тюмени установлена мраморная плита в память о детях-жертвах фашизма.

«Забыть – значит расчеловечиться», начертано на памятной мраморной плите.

Приходят к этому памятному месту дети-жертвы фашизма, чтобы почтить память тех, кого нет с нами. Со слезами на глазах ставят они свечи и кладут цветы у мраморной плиты, где обозначены: Освенцим, Бухенвальд, Маутхаузен, Дахау, Саласпилс, Палемонас.

Среди них: брат и сестра Фролов А.Р. и Долгодворова Т.Р., которые прошли через концлагеря пяти государств Германии и стран сателлитов; Залетило А.П. – в трехлетнем возрасте оказался в детском лагере-смерти «Саласпилс»; Селех Л.М. и Доровеева К.С. прошли через фашистские гетто; Гаврилов Г.А. – лагерь смерти Освенцим: Бондарева А.В. и Нефедова А.Н. побывали в концлагерях Германии; Маркадеева С.Г. – трудовой лагерь Палемонас; Желнина М.Н. и еще четверо сестер и братьев, самому маленькому из которых было три годика, в телячьих вагонах проехали через всю Польшу, Германию и Францию в одежде с номерами и желтым знаком OST. Такая же судьба была и у остальных тюменцев, узников фашизма.

ПИСЬМА ЭТИХ ДНЕЙ

Актив Тюменской организации

Сейчас, как никогда, необходима активность тех, кто на себе познал, что такое фашизм. Необходимо любой ценой предостеречь молодое поколение от новой преступной авантюры – атомной катастрофы, чтобы фашистским силам не удалось еще раз одурманить молодежь. Молодые люди должны знать, что фашистское зло – не слабосильно, т.к. оно не в одиночестве и получает моральную и материальную поддержку, особенно, среди той части молодежи, которая не может найти себя в современном обществе.

В.П. САРАПУ,
председатель совета Тюменской областной общественной организации бывших малолетних узников фашистских концлагерей.

ОСЕНЬЮ 1941 года фашистские оккупанты пленили и поместили в концлагеря города Петрозаводска и других мест Карелии около 8 тысяч жителей Подпорожского района. Почти три года томились они в неволе, ежедневно теряя от холода, голода, болезней и истязаний, изнурительного и непосильного труда своих близких, родных людей. После освобождения Карелии на свою малую Родину, Подпорожье, вернулась только половина узников лагерей - остальные погребены в урочище "Пески" и других местах захоронений. В числе вернувшихся была и наша землячка, уроженка села Юксовичи Анна Савельевна Рогозкина, совершившая патриотический поступок. Находясь в Петрозаводском концлагере № 5, рискуя жизнью, она сумела сохранить Красное знамя одной из советских воинских частей, разбитых оккупантами в начале войны. При освобождении города она передала святую реликвию морякам Онежской флотилии. Анна Савельевна умерла в возрасте 78 лет и похоронена в деревне Родионово. В сентябре 2006 года члены совета Подпорожской организации бывших малолетних узников фашистских концлагерей благоустроили могилку ветерана труда А.С. Рогозкиной. Мы, члены совета, побывали здесь и в мае прошлого года, с нами тогда к могиле Анны Савельевны пришла группа гостей Карельского союза бывших узников, в их числе и монах Петр. Подпорожская общественная организация БМУФК, созданная 20 лет назад, отмечает свой юбилей. В создание организации много усилий вложила Л.В. Шадрова, она же и возглавляла ее на протяжении долгого времени, проявляя добрые, ценные инициативы. К примеру, Лидия Васильевна неоднократно писала и отправляла от имени нашей организации обращения в адрес руководителей нашей страны, вплоть до президента. Можно сказать, есть и ее заслуга в том, что бывшие узники обрели социальный статус и признание руководства властей разных уровней. Недавно Л.В. Шадрова, почетный член районной и областной организаций БМУФК, отметила свое 80-летие, с чем мы ее еще раз поздравляем и желаем всего наилучшего, прежде всего здоровья и долголетия. Наша организация, в рядах которой сегодня 643 бывших узника, ведет активную, разностороннюю деятельность. Мы поддерживаем дружеские связи с советами БМУФК других районов области, с советом союза бывших узников Карелии и периодически ездим друг к другу в гости, обмениваемся опытом работы. Нередко организуем экскурсионные поездки по историческим местам района, области, Питера, проводим вечера отдыха, чествуем юбиляров. Представители местной власти относятся к нам благосклонно, с искренним уважением, оказывают как моральную, так и материальную поддержку. Признаться, такое понимание и забота приятны. Нашей организации двадцать лет, хочется от всей души поздравить бывших малолетних узников фашистских концлагерей, последних свидетелей войны, ветеранов труда с этой знаменательной датой. Дорогие товарищи, желаю всем вам здоровья, благополучия, любви детей, внуков и правнуков, негаснущего интереса к жизни, оптимизма! Будьте счастливы - вы этого заслужили всей своей жизнью!

Ю.И. МАЙОРОВ,
Председатель совета БМУФК
Подпорожье. Ленинградская область

ХОЧЕТСЯ рассказать о председателе Совета ветеранов войны, труда и правоохранительных органов г. Ставрополя Казаченкове Викторе Александровиче. В прошлом кадровый офицер Вооруженных Сил, бывший малолетний узник фашизма умело и правильно строит служебные отношения с руководителями администраций города и районов, глубоко вникает в нужды участников и инвалидов войны, несовершеннолетних узников фашизма и других категорий ветеранов. Свою работу строит на перспективу. Ежегодно организует проверку жилищно-бытовых условий узников, при необходимости подключает службы управления соцзащиты и медицины. В настоящее время на учете в Совете 90 узников фашизма, из них свыше 30 лежачие больные. В 2011 г. по инициативе Казаченкова В.А. был разработан план совместных мероприятий с Главой Администрации Краевого центра на 2012 год, в том числе и по адресной поддержке ветеранов, предоставлении услуг по ремонту их жилья. Это позволило в истекшем году улучшить жилищные условия 18 ветеранам, а 3 ветерана получили новые квартиры. Совет ветеранов города проводит большую работу по улучшению льготного транспортного обслуживания пассажиров.

11 апреля т.г. в помещении Администрации Ленинского района г. Ставрополя царило праздничное оживление. Бывших несовершеннолетних узников фашизма собрали, чтобы отметить 67 годовщину освобождения из фашистской неволи. На этой встрече были руководящие работники и специалисты Администрации города, работники соцзащиты, Пенсионного фонда и медицины.

Здесь же прозвучало постановление Главы города Ставрополя о предоставлении бывшим несовершеннолетним узникам фашизма права на бесплатный проезд на всех видах городского пассажирского транспорта по всем маршрутам краевого центра.

Н.В. ЗАМОРАЕВ
Ставрополь

ГРУППА бывших несовершеннолетних узников фашизма при Совете ветеранов войны и труда ОАО "ЦС "Звездочка"", является подписчиком вашей газеты "Судьба", которую регулярно получаем в течение 3-х лет. Содержание статей очень помогает в нашей работе во всех направлениях. Члены нашей группы, а их семнадцать человек, очень востребованы в работе по патриотическому воспитанию молодежи. Мы проводим лекции-беседы в старших группах дошкольных учреждений, общеобразовательных школ, училищ, с молодыми рабочими предприятия и моряками ремонтирующихся кораблей ВМФ, находящихся на предприятии ОАО "ЦС "Звездочка"". О своих бывших несовершеннолетних узниках фашизма мы смогли собрать сведения и, благодаря предприятию ОАО "ЦС "Звездочка"", выпустили сборник очерков и воспоминаний "Дети - узники фашизма". Такой книги нет ни в одном Совете ветеранов Архангельской области. Своим примером мы хотим показать, что всем несовершеннолетним узникам фашизма надо объединяться, чтобы и Архангельская область вошла в состав РСБНУ. Вместе за свои права бороться эффективнее. Как отмечалось в вашей газете, вернуть честь, гордость, понимание происходившего в годы войны, узникам удалось благодаря потенциалу идейности, стойкости самоотверженности, какими обладают ветераны, прошедшие все круги нацистского ада.

В городе Северодвинске создано более 60-ти ветеранских организаций, которыми руководит городской Совет ветеранов войны и труда. Всего на учете состоят более 35000 человек (участники ВОВ, труженики тыла, блокадники, ветераны труда и др.), из них 106 – несовершеннолетних узников фашизма. Высылаем в вашу редакцию книгу очерков и воспоминаний "Дети - узники фашизма". Мы ни на что не претендуем, и если вы сочтете целесообразным использовать что-нибудь в газете "Судьба", будем очень рады. Надеемся на сотрудничество с вами. Почетный председатель Совета ветеранов войны и труда ОАО "ЦС "Звездочка"", бывший несовершеннолетний узник фашизма

Ф.М. САЛОВ
Архангельская область

РЕДАКЦИИ газеты "Судьба"

Дороговой А.В. Вице-губернатору Санкт-Петербурга

С.А. Козыреву Жилищный комитет Санкт-Петербурга

На обращение Дороговой А.В. (бывшая несовершеннолетняя узница фашизма), поступившее из редакции газеты "Судьба" по вопросу улучшения жилищных условий администрация Красносельского района сообщает следующее.

Для рассмотрения вопроса принятия на учет в качестве нуждающихся в жилых помещениях по договорам социального найма семьи Дорогова Александра Юрьевича (сам, сын, дочь) необходимы следующие документы: … (приводится перечень из 10 пунктов. – РЕД.)

С документами Дорогов А.Ю. может обратиться в ГУ МФЦ Красносельского района по адресу: ул. Пограничника Гарькавого, д. 36, корп. 6, ежедневно с 9-00 до 20-30 или в жилищный отдел администрации Красносельского района по адресу: ул. Партизана Германа, д. 3, 2 этаж, к. 261 понедельник и четверг с 14-00 до 18-00 час.

После принятия на учет семье Дороговых будут предложены все возможные варианты решения жилищного вопроса.

А.Г. КРАСНОСЕЛЬСКИХ,
заместитель главы администрации
Санкт-Петербург

НЕОБХОДИМОЕ ПОЯСНЕНИЕ

В «Судьбе» № 137 в материале «Родившиеся и умершие зарегистрированы…» напечатано письмо Антонины Васильевны Дороговой из Санкт-Петербурга.

«Я в Ленинграде живу 5 лет, я жила в Волгограде, я – сталинградка.

В однокомнатной квартире 32 метра прописано 5 человек. В сентябре 2011 года я написала Путину В.В., что я нуждаюсь в жилплощади. Мне пришёл ответ из администрации г. Санкт-Петербурга, что я не имею на это права, потому что нужно прожить в Санкт-Петербурге 10 лет. Вот и всё. И вопрос о жилплощади закрыт для меня».

С просьбой помочь бывшей несовершеннолетней узнице решить жилищный вопрос редакция газеты «Судьба» обратилась к губернатору Санкт- Петербурга Г.С.Полтавченко.

Как видно из письма в редакцию «Судьбы» Заместителя главы администрации А.Г.Красносельских, вопрос о жилплощади для А.В.Дороговой и её семьи ещё не закрыт.

ПИШЕТ вам Лучинина Алла Ивановна, я являюсь председателем краевого совета БНУ Алтайского края. В крае нас 600 человек, в Барнауле - 230. Большое спасибо за газету "Судьба", получила 10 экземпляров. Конечно бывшие узники уже преклонного возраста, многие инвалиды. Но мы чувствуем ответственность перед будущим страны и молодежи. Ведь мы остаемся последними свидетелями той страшной войны. И пока мы живы - будем бороться и отстаивать свои права и льготы.

Наша организация ведет работу по патриотическому воспитанию детей и молодежи. Встречаемся с участниками, воспитанниками колледжей, школ, кадетами в интернатах и детдомах.

У нас есть Пост № 1 "Память" на площади Победы. Там лучшие ученики школ, кадеты несут ежедневный караул. Мы создали в музее этого поста стенд, посвященный бывшим малолетним узникам. 11 апреля мы собираемся у Поста № 1, возлагаем цветы, нас поддерживает соцзащита. Но что касается наших прав, отвечают, что не имеют возможности повлиять на законодательную власть, которая обидела детей концлагерей. Но я сражаюсь, хожу по всем инстанциям, "капаю" на мозги. Мо-

5 стр.

4 стр.

жет, кто и услышит. Вот, например, в этом году одержали маленькую победу - нам предоставили единый бесплатный проездной билет на год на все виды транспорта. С уважением,

Алла Ивановна

Мой адрес: 656049, г. Барнаул, ул. Партизанская, д. 142, кв. 5, тел. 26-45-88, моб. 8-913-270-7202, интернета у меня нет, зрение падает катастрофически, глаукома и катаракта делают свое дело.

ОГРОМНОЕ спасибо за "Судьбу", которую Даугавпилс регулярно получает. По состоянию здоровья я не могу со всеми НАШИМИ встретиться, что очень меня огорчает. До середины декабря буду в Риге на лечении в больнице. Посылаю нашу газету "Православная жизнь", где мои 4 статьи об иконах Богоматери. Я собрала о них сведения, теперь уже более 1000. Сейчас пишу "Святые жены земли". Нашла выход - материал опять отдам в газету "Православная жизнь", и народ сможет прочитать его.

Людмила ТИМОЩЕНКО
E-mail: nastiushka 95@mail.ru
Даугавпилс. Латвия

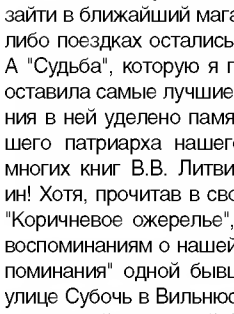
ПОЛУЧИЛА вашу одновременно и нашу газету "Судьба". На конверте: "Как живете?" Думала, что еще встретимся, однако мое самочувствие диктует свои права. Довольствуюсь тем, что еще могу посещать врача в поликлинике, зайти в ближайший магазин и аптеку. О каких-либо поездках остались только воспоминания. А "Судьба", которую я получила, как и всегда оставила самые лучшие чувства, много внимания в ней уделено памяти безвременно ушедшего патриарха нашего движения и автора многих книг В.В. Литвинова. Он этого достоин! Хотя, прочитав в свое время первую книгу "Коричневое ожерелье", где нашлось место и воспоминаниям о нашей семье, вкрались "воспоминания" одной бывшей узницы лагеря на улице Субочь в Вильнюсе. Оно очень огорчило меня своей неправдой. И я долго не решалась сказать об этом В.В. Литвинову. Но зная, что Литвинов В.В. пишет новые книги, решила все же ему позвонить, чтобы он был более осторожен с такими "свидетелями". Литвинов был огорчен! Однако изменить уже ничего было невозможно: книга издана, а "свидетельница" умерла.

Приношу массу извинений по поводу неподписки на "Судьбу". А ее так не достает! Все упирается в финансы. Многие члены нашей организации после выплаты немецких денег открыто заявили, что платить взносы в кассу общественной организации не будут, говоря: "А что вы еще можете добиться для нас?" Так нам пришлось отказаться не только от подписки на "Судьбу", но и нашего помещения. Работаем как вначале - на дому. А годы и здоровье уже далеко не те. С наилучшими пожеланиями,

Альбина ВИТАЙТЕ
Вильнюс. Литва

ЛЮДСКИЕ судьбы – как дороги: одни – пересекаются, теряясь в бесконечности, другие – встретившись, в едином потоке бегут в вечность, третьи же бегут друг от друга.

Я благодарен Богу за встречу в 2004 году в Московском Доме национальностей с талантливым белорусским поэтом Тризно Леонидом Михайловичем, за то, что наши судьбы счастливо пересеклись. Он подарил мне тогда свой сборник стихов «Наперекор неласковой судьбине» с пожеланием благополучия и благоденствия.



Мне понравились его чистые, нежные и горькие, но не замутненные, как детская слеза, поэтические строчки. Во многих стихотворениях, вошедших в этот сборник, удалось найти и частицу моей души, и она озарялась новым, неизбывным светом.

Поэт родился 30 июня 1937 г. в поселке Паричи Гомельской области. В начале войны фашисты расстреляли его отца, Михаила Александровича (1901 г.р.), а четырехлетний Лёня с матерью Антониной Вацлавовной (1910 г.р.) и сестрой Женей (1940 г.р.) оказались в немецком рабстве. В августе победного 1945-го они возвратились из Германии домой. Сестра Евгения Марченко (Тризно) проживает в дер. Жиличи Могилевской области.

После окончания Паричской средней школы Леонид Тризно работал на стройке, затем три года служил в армии. Окончил Белорусский политехнический институт. Инженер-строитель. Работал в Москве прорабом, проектировщиком и главным специалистом крупного ГипроНИИ.

Первые стихи опубликовал в 1982 году. Печатался в газетах и журналах, коллективных сборниках. У Леонида Михайловича вышло шесть поэтических сборников: “Где мой дом”, “Колотится невольно сердце”, “Узоры пестрых дней”, “Наперекор неласковой судьбине”, “Стихи для Штукенброка”, “В плену обугленного детства”.

На стихи Леонида Тризны написано более 30 песен, среди которых и песня “Подранки”, посвященная бывшим несовершеннолетним узникам фашистских концлагерей (музыка Ирины Марченко, г. Рогачев). Песни о Рогачеве и Минске написаны на белорусском языке.

Все поэтические творения Леонида Тризны объединены темой его непростого жизненного пути. Леонид Тризна – чуткий лирик и пейзажист, острый публицист и сатирик – глубоко через свое сердце пропускал трагическую летопись Полесья, родной Белоруссии.

Леонид Тризна – член Союза писателей и Союза журналистов России.

Лауреат международного литературного конкурса “Умное сердце” имени Андрея Платонова. Бывший малолетний узник нацизма. Награжден многими медалями.

Безвременно в расцвете сил ушел 21 ноября 2006 г. из жизни. Захоронен рядом с матерью в г.п. Паричи Республики Беларусь.

В год 860-летия Москвы и 940-летия Минска, при поддержке Правительства Москвы в октябре 2007 года была организована поездка в Беларусь группы бывших несовершеннолетних узников фашистских концлагерей. Мы побывали тогда в Минске, Хатыни и Озаричах. Все дружно сказали: обязательно возложим цветы на могилу нашего поэта и товарища по несчастью Леонида Тризны. Нашли в поселке Паричи это кладбище и его могилу. Белорусский композитор Ирина Марченко добралась из Рогачева в Паричи с гитарой. И мы слушали в её исполнении задушевные песни нашего друга в Паричах и по дороге в автобусе до отправления поезда из Гомеля в Москву.

Совет Российского союза бывших несовершеннолетних узников фашистских концлагерей посмертно наградил Леонида Тризну памятной медалью «НЕПОКОРЕННЫЕ». Этой наградой 27 января с.г., в день освобождения узников концлагеря Освенцим и 65-летия со дня полного снятия блокады Ленинграда, были отмечены посмертно – Маршалы Советского Союза И.С. Конев, Л.А. Говоров, К.А. Мерецков и Адмирал флота В.Ф. Трибуц.

Мы помним добро тех, кто нас спасал тогда, кто помогал выжить в послевоенные трудные годы, кто поддерживает страдальцев и сохраняет память о пережитом и сегодня. С каждым часом нас становится меньше – надо успеть выразить свою благодарность, а также и от имени тех, кто сделать это не успел.

Во время многочисленных встреч с Леонидом Михайловичем, рассказывая о пережитом, я замечал, как менялось выражение лица поэта. Мне казалось, что он был не просто внимательным слушателем и собеседником, а участником тех событий более чем шестидесятилетней давности.

Повествуя об отдельных эпизодах из военного прошлого, об издевательствах немецких оккупантов над безвинными детьми и стариками, страдавшими от голода, холода и безысходности в концлагере «Озаричи», я был уверен, что его тонкая поэтическая душа была именно там, в болотно-тифозном пекле марта 1944 года. Всю свою жизнь помним об этом – о скорбном исходе тысяч невинных детских душ. Будь они живы сегодня, уверен, что духовная жизнь Белоруссии и России была бы значительно богаче.

По программе Правительства города Москвы в 2007 году издана книга «Расстрелянное детство», в которую включены поэзия, проза и публицистика поэта

Леонида Тризны. Когда мне трудно, я раскрываю поэтические страницы этой книги и нахожу в строчках поэта поддержку. А в минуты покоя – источник радости и желания действовать. И сегодня не перестаю восхищаться его поэтической яркостью, тонкими сравнениями, философским подходом к оценке жизни и смерти...

Всё дальше и дальше относит нас неумолимое время от грозных дней Великой Отечественной войны. Всё меньше свидетелей тех дней остается на Земле.

Мы – дети той войны – очень скоро останемся последними, в чьих глазах и сердцах отпечаталась жестокая правда войны.

Книга «Расстрелянное детство» – честный рассказ поэта, одного из тех, у кого не было детства в общечеловеческом понимании, а прожитые годы вычеркнуть из своей памяти никому не удалось. Ибо память наша сохраняет всё, можно только что-то очень горькое и трагическое спрятать в ней, но «вдруг ударит оттуда, из детства...», как пишет Леонид Тризна, и всё-всё оживает снова и снова!

И даже спустя годы с содроганием думаешь о том времени, не понимая, как смогли выжить, когда погибали сотни тысяч твоих сверстников. От голода, холода, болезней, непосильного труда, варварских «медицинских» экспериментов, в печах крематориев, за годы войны погибло более миллиона малолетних граждан Советского Союза. В местах заключения выживал только один ребенок из десяти.

И сознание того, что живешь и за них, настоятельно заставляет рассказывать о том времени для назидания молодым, для вразумления власть предержащих – для всех тех, от кого зависит теперь мир на Земле. Потому что у детей войны свое понимание мира и войны.

А ведь многие бывшие узники могут рассказать, что только невероятное стечение обстоятельств позволило им остаться в живых.

Сегодняшним молодым даже невозможно представить, как мы жили в до основания разоренной врагом голодной и холодной послевоенной стране. Трудно представить, что Лёня Тризна, идя в первый класс в 1945 году, не знал ни букв, ни цифр, не говоря уже о таблице умножения. И это в восемь лет. Но к тому возрасту ему уже довелось увидеть, услышать, пережить такое и столько, что не приведи Господи никому!

М.Е. СИНЬКЕВИЧ
Малолетний узник фашистского концлагеря «Озаричи»
Москва

ПОЛУЧИЛА третий номер газеты. Вы меня помните и не забываете – большое спасибо!

«Черкнуть пару строк» мне не о чем. У нас, как говорится, «мертвая жизнь» – все замерло, затишье. Только на 9 мая провели мероприятие, пригласили нас, нескольких узников. Осталось нас по всей Армении всего 20 человек. Половина лежачие, из дому не выходят… А про 11 апреля вообще никогда не упоминается. Короче, вот и все. Такова жизнь. Я очень была расстроена, что не смогла приехать в Брянск из-за транспортных проблем. Очень надеялась на встречу, и чтобы я смогла со всеми встретиться, ведь Вы все так внимательны и добры ко мне. Очень надеюсь о встрече в этом году, если опять не будет проблем с транспортом!

С низким поклоном всегда с Вами,

Нина АКОПЯН
Ереван, Армения

P.S. Остаюсь с надеждой о встрече. Еще прошу, «Судьбу» присылайте 2 экземпляра

МНОГИЕ наши узники получают газету «Судьба». Эта газета и впрямь наша нелегкая судьба, она помогает нам жить, общаться. Мы благодарны таким замечательным людям в нашем городе Лыткарино, которые помогают нам в подписке. Это: Мичугин Анатолий Александрович - директор фирмы «Строитель», Китаева Людмила Ивановна - главный бухгалтер этой фирмы.

СОВЕТ УЗНИКОВ
Лыткарино. Московская область

БРЯНСКОЕ региональное отделение «Российского союза бывших несовершеннолетних узников фашистских концлагерей», Председателю г-ну Василию Афонину

Уважаемые г-да Афонин и Синегрибов!

Благодарю за письмо г-на Синегрибова от 1 июня 2012 г. и приложенную статью г-на Афонина из журнала «Судьба» № 3/2012. По поводу Ваших высказываний хотели бы изложить своё мнение:

За последние пять лет Фонд «Память, Ответственность и Будущее» большую часть гуманитарного бюджета стимулирования, а именно 65% средств, ежегодно выделяемых на проекты, направлял в страны бывшего Советского Союза. Мы добивались такого решения – частично вопреки воле представителей других стран,- потому что считаем отношение к жертвам национал-социализма из Вашего региона очень важным. И на международной конференции по Холокосту в Праге (Holocaust Era Assets Konferenz) правление Фонда выступало за то, чтобы все группы жертв имели одинаковое признание, и получали поддержку также со стороны собственных правительств. Мы были бы очень рады, если бы Вы признали наше выступление в пользу славянских жертв национал-социализма как попытку внести вклад в дело примирения.

Вашу критику программы содействия «Место встречи – Диалог» мы приняли к сведению, однако не можем её разделить. В жюри «Место встречи – Диалог» Фонд всегда очень активно выступал за поддержку организаций пострадавших. Но мы не разделяем Вашу оценку, что имеющиеся средства должны причитаться только Вашим объединениям. И другие организации готовы и в состоянии участвовать в поддержке жертв национал-социализма, в программе «Место встречи – Диалог», а также в других программах. Нас это очень радует и мы именно в этом видим хороший результат данной программы.

В международном Попечительском Совете Фонда имеется консенсус относительно того, чтобы гуманитарные проекты не повторяли категории выплат. Более того, и другие люди, пострадавшие от нацистов, должны иметь возможность участвовать в проектах. Поэтому – по согласованию с российскими партнерами – были выбраны пилотные регионы, как, например, город С.-Петербург и Ленинградская область. По той же причине Фонд, к примеру, содействует отдельным проектам, которые обращены к советским военнопленным, которые не получили никаких выплат через Фонд.

Мы рады, что в 2012 году Фонд опять может стимулировать проекты в России. Мы приветствовали бы тот факт, если бы Ваши организации – члены союза в будущем году снова участвовали в открытом конкурсе «Место встречи – Диалог», в том числе и в кооперации с какой-нибудь другой организацией. Упор на пилотные регионы мы сохраним, Вашу инициативу об учёте и других регионов охотно изучим.

В заключение мы хотели бы ещё раз указать на то, что русский представитель в Попечительском Совете Фонда назначается не германской стороной, а российским правительством.

С дружеским приветом

Д-р Мартин ЗАЛЬМ,
председатель правления
Эльке БРАУН, исполнитель
Braun@stiftung-evz.de
Берлин, 06.06.2012
Перевёл с немецкого А. УРБАН (Москва)

ПРИМЕЧАНИЕ

Мнение д-ра Мартина Зальма касается статьи «Пятачки» для избранных», опубликованной в предыдущем выпуске «Судьбы».

В аргументированном выступлении председателя Брянского регионального отделения РСБНУ, члена Совета РСБНУ Василия Афонина утверждается, что программы поддержки, осуществляемые германским федеральным фондом «Память, ответственность и будущее», обходят стороной тех, кого преследовали нацисты.

НЕДАВНО УЗНАЛ вот такую информацию: 9 июля между властями Германии и правозащитной американской организацией Claims Conference достигнута договорённость о том, Германия согласилась выплатить 300 млн долларов евреям, пострадавшим от действий нацистов в странах бывшего СССР. Предполагается, что компенсации получат 80 тысяч человек. Размер единовременной компенсации составит 3150 долларов. Заявку на получение этих денег можно будет оформить до 1 ноября 2012 года. Кроме того, в ходе переговоров Германия согласилась уравнять выплаты евреям из Восточной и Западной Европы. Раньше пострадавшие из западных стран получали большие компенсации, теперь же установлена общая для всех сумма в 370 долларов в месяц.

Искренне рада за своих соотечественников, вместе с которыми довелось томиться на нарах в зловещих концлагерях! Наконец-то, справедливость восторжествовала. Люди, пострадавшие от преследований нацистов, хоть и на склоне лет, но получат достойную компенсацию за страдания в годы войны. Но вот вопрос, который не даёт мне покоя.

Почему наши, российские правозащитники, в отличие от Claims Conference, избегают тему компенсаций бывшим узникам фашизма в нашей стране? Почему никто не даёт оценку недобросовестным СМИ, которые раздули миф о, якобы, фантастических выплатах, полученных узниками фашизма от германского государства и, вместе с тем, замалчивают правду о том, что эти выплаты крайне мизерны, на порядок несоизмеримы с теми суммами, которые получили жертвы фашизма в самой Германии и в других государствах Западной Европы и в Израиле, что немецкий «выплатной» закон обошёл многие категории узников и десятки тысяч россиян, пострадавших от нацистов, не получили ни цента, наконец, что выделенные Германией дойчемарки (120 миллионов) так и не дошли до адресата – узников-россиян. Почему?..

Равнодушие российских правозащитных организаций, передёргивание фактов и явная несправедливость по отношению к нам, русским старикам и старухам, в своём далёком детстве пережившим угон на чужбину и концлагеря, лично меня повергают в шок.

Тадеуш МАЛЕВСКИЙ
Бывший малолетний узник
гитлеровского концлагеря «Алитус»
Литва

НРАВЫ НОВОГО ВЕКА

Помните Гизелу Шварце? О ней поведала «Судьба» в начале текущего года.

Рассказ о человечности человека, чья жизнь и дела обращены к людям добротой и радостью, привлёк внимание читателей. Оказывается, немецкого доктора истории Гизелу Шварце в России не только знают, но и глубоко почитают.

Своеобразным откликом на статью о Гизеле Шварце явилась книга «Против забвения» - очередное исследование доктора исторических наук, профессора, заведующего кафедрой социальной и духовной культуры Липецкого государственного педагогического университета, Заслуженного работника высшей школы Российской Федерации Александра Ивановича Борозняка. Речь в ней о тенденциях в новейшей истории российско-германских отношений, о проблемах преодоления тоталитарного прошлого в сознании людей. Эпиграфом к новой книге известного российского историка стало пронзительное признание уже известной читателям «Судьбы» Гизелы Шварце. Вот оно.

«Ни в одном нацистском преступлении не участвовало столько рядовых немцев, сколько в порабощении десяти миллионов европейцев в годы второй мировой войны. Ни одно нацистское преступление не было в послевоенные годы в такой степени вытеснено из сознания германского общества».

Прочитав книгу А.И.Борозняка, мы почувствовали необходимость продолжить рубрику «Нравы нового века» и рассказать читателям «Судьбы» о том, как в современном немецком обществе утверждается дух согласия и примирения между народами.

Статья предоставлена А.И.Борозняком по просьбе редакции.

НЕМЕЦКАЯ МОЛОДЁЖЬ ВОССТАНАВЛИВАЕТ ПАМЯТЬ О ТРАГЕДИИ СОВЕТСКИХ ПЛЕННЫХ И ОСТАРБАЙТЕРОВ

«Забытые» концлагеря

Ауэталь – эту местность на стыке границ земель Нижняя Саксония и Северный Рейн-Вестфалия не сразу найдешь на карте Федеративной Республики Германии. Влажная узкая долина на север от холмов Везербурге. Нынешний ландкрайз Шаумбург, долго претендовавший на полную самостоятельность, бывший когда-то одним из немецких карликовых княжеств. Аграрный район, неприметные полугородки–полупоселки Обернкирхен, Ререн, Хельпсен, Ольдендорф, Бад Эйльзен, Хаттендорф... Самый приметный из них – Бюкебург, но и о нем вспомнит разве только усердный читатель поэмы Генриха Гейне «Германия. Зимняя сказка»: поэт сетовал на скользкую грязь «проклятой дороги» близ Бюкебурга, тогдашней столицы княжества.

Не каждый автомобилист, едущий по автобану Ганновер–Дортмунд, различит у поворота на Ререн не обозначенный в путеводителях, пострадавший от непогоды и людского невнимания один из тысяч российских погостов на чужой земле. Чуть в стороне от трассы пять массивных бетонных блоков с четко выделяющимися буквами «СССР» и государственными символами нашей страны: серпом и молотом и пятиконечными звездами. Мемориал был сооружен во второй половине 40 -х годов по распоряжению советской военной миссии в Ганновере. На самом крупном блоке – полустертая дождями и ветрами надпись на русском языке:

Вечная память павшим в борьбе за свободу и независимость Советской Родины в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.

Здесь похоронены 400 граждан СССР, погибших в фашистской Германии в районе Ольдендорф от голода, убийств и террора.

На нескольких, явно поставленных позже надгробьях – высеченные латинскими буквами имена наших соотечественников, рядом даты их гибели:

Валя Забродская – 3 июня 1942
Лев Касаткин – 5 октября 1943
Николай Сизых – 1944
Нина Чернова – 23 июля 1944
Иван Диденко – 12 августа 1944
Татьяна Надельнюк – 6 декабря 1944
Богдан Алексеев – 7 марта 1945
Александр Богданчук – 7 апреля 1945
Николай Черкашин – 7 апреля 1945...

Но гораздо больше иных надписей:

Неизвестный русский – 1944
Два неизвестных русских – 1945
Два неизвестных русских – 1945
Шесть неизвестных русских...

* * *

Но я хотел бы рассказать о моем друге, школьном учителе Клаусе Майвальде, который привел меня к «русскому кладбищу» и который – вместе с другими жителями Ауэталя – немало сделал для того, чтобы оно было ухоженным и посещаемым.

О «русском памятнике» знали жители уголка, которого, казалось, не коснулись ветры времени. Люди ежедневно проходили и проезжали мимо, но не хотели вспоминать. Пока… Пока на исходе третьего десятилетия после окончания войны здесь не сложился круг возмутителей провинциального спокойствия – совестливых людей, стремившихся к познанию и преодолению трагического прошлого. Это – наставники Майвальда – учитель Фридрих Винкельхаке, протестантские священнослужители Мартин Шпеер и Мартин Хаусман.

По почину Винкельхаке была сформирована группа старшеклассников, первоначальной целью которой было изучение истории «русского памятника» – немого свидетели нацистских преступлений. Но результаты исследований юных историков оказались значительно шире первоначального замысла. В благополучную жизнь юношей и девушек из германской глубинки ворвался третий рейх – не книжными иллюстрациями о далеких Освенциме или Дахау, но – памятью о трагических событиях, проходивших совсем рядом, в нескольких сотнях метров от дома или дороги в школу.

В начале 80-х в ФРГ появилось выражение «забытые концлагеря». Наверное, концлагерь близ поселка Ререн был самым забытым. Винкельхаке и его ученики, стремившиеся сохранить мешавшую многим память о русских невольниках, наталкивались на открытое и скрытое противодействие властей и обитателей окрестных поселков. На расспросы школьников, как правило, следовала фраза: «Нам всем было плохо в то время». Юных историков пытались убедить в том, что официальные власти никакими сведениями о лагере будто бы не располагают: «прежний бургомистр умер», «имена охранников неизвестны».

8 апреля 1945 г. в район Ререна вступили американские войска. В лагере находилось 236 заключенных. В конце мая узники были переправлены в английский военный госпиталь, а бараки – во избежание распространения эпидемий – сожжены. На месте лагеря возник поселок, жители которого и слышать не хотели о трагедии, разыгравшейся на этом месте.

Только несколько бауэров поделились крупицами памяти о лагере, да и то при условии, что их имена не будут названы. Одна из крестьянок рассказала: «На пути в школу наши дети часто видели, как везут трупы из лагеря в Ререне. Русским приходилось тащить тела своих мертвых земляков на ручных тележках. Там их сбрасывали в общую могилу».

Старшеклассникам, работавшим под руководством Фридриха Винкельхаке, удалось установить, что летом 1942 г. в Ререне был основан сборный пункт для больных (преимущественно туберкулезом) остарбайтеров. Из различных районов Германии сюда свозились насильственно угнанные рабочие, которых местные врачи признали «непригодными к трудовому использованию». Здесь не было ни крематория, ни газовых камер, ни пулеметов на сторожевых вышках, ни эсэсовцев с собаками. «Только» колючая проволока да бараки, переполненные смертельно больными, зачастую неспособными передвигаться, истощенными от голода и болезней людьми. Персонал состоял из начальника лагеря, повара и четырех охранников. По данным кладбищенских записей школьникам удалось установить: в братских могилах похоронено 307 узников и узниц, умерших в лагере Ререн.

Результаты конкурсного проекта, награжденного призом конкурса исторических работ, проходившего под патронатом президента ФРГ, получили достаточно широкую огласку. По инициативе служителей протестантской церкви на «русском кладбище» были установлены стелы с именами погибших.

...Прошло несколько лет, Винкельхаке был отправлен на пенсию, сменилось поколение школьников. Начиная с 1981 г. Клаус Майвальд, молодой выпускник Геттингенского университета, учитель истории и английского языка, продолжил дело, начатое старшим коллегой. Группа из восьми учащихся 9 -го и 10 -го классов школы в Обернкирхене приступила к поискам и опросам очевидцев, к изучению и архивных документов о «русском памятнике» в Ререне.

Вопреки действующему в ФРГ законодательству школьникам отказали в доступе к материалам расследования, проведенного в начале 80 -х годов сотрудниками окружной прокуратуры. Чиновники прокуратуры ссылались на то, что для «частных лиц» действует правило о «закрытом характере следственных документов». При этом школьников высокомерно поучали: вашу работу никак «нельзя квалифицировать в качестве научного проекта».

В распоряжении участников проекта оказался важнейший документ: совместная директива ведомств Геринга («уполномоченный по четырехлетнему плану») и Заукеля («генеральный уполномоченный по использованию рабочей силы») от 16 октября 1942 г. Нацистские боссы требовали от своих подчиненных, «как можно основательнее проверить», действительно ли признанные больными остарбайтеры «непригодны к трудовому использованию». После «дополнительной проверки работоспособности» иностранных рабов приказано было направлять «на подходящую работу», что означало верную гибель. В документе содержалась ссылка на «передовой опыт» Ререна, где был создан «чрезвычайно необходимый дополнительный фильтр» для обессиленных «восточных рабочих».

Лагерь в Ререне, как установили участники группы Майвальда, был переполнен больными: на 212 мест приходилось 620 заключенных. Отсутствовали самые элементарные гигиенические условия, свирепствовали эпидемии сыпного тифа и туберкулеза. Уже в течение первых трех недель существования лагеря там, по свидетельству очевидца, погибло 27 человек, которые были погребены на бывшем еврейском кладбище. Но места там уже не было, и рвы под массовые захоронения заключенные стали рыть на специально отведенном участке южнее автомагистрали Ганновер–Дортмунд.

Всего с августа 1942 до апреля 1945 г. здесь погибло, по официальным данным, 269 узников: 258 советских и 49 польских граждан. в том числе семеро детей, родившиеся в лагере. Причины смерти при этом были указаны следующим образом: туберкулез – 204, сердечная недостаточность.– 6, дистрофия.– 38.

В последние 10 месяцев существования лагеря причинами смертей указывался преимущественно туберкулез. В течение 1944 г. в Ререн направлялись смертельно больные чахоточные остарбайтеры, большинство которых нашло в Ререне свою кончину. В лагере производились насильственные аборты, несколько беременных советских и польских женщин скончались во время операций. По данным свидетелей и согласно надписи на «русском памятнике», на кладбище свозились – уже после окончания военных действий – тела погибших заключенных из других окрестных лагерей.

В районе Ауэталь не было ни фабрик, ни заводов – только крестьянские хозяйства да небольшие мастерские. Поэтому задача «дополнительной проверки трудоспособности» и «дальнейшего трудового использования» решалась достаточно просто: путем раздачи полуживых узников – на светлое время суток, а то и на длительный срок – местным крестьянам в качестве дармовых батраков. Охрана лагеря получала за это свою мзду.

Для многих и многих жителей долины Ауэталь остарбайтеры были объектом презрения и расовой ненависти. Перед нами фрагмент из записанных школьниками воспоминаний пастора Хаусмана: «Когда война закончилась, мне было восемь лет. Я хорошо помню школьные экскурсии, которые проходили под руководством нашего учителя, убежденного национал-социалиста. На пути мы однажды увидели русских пленных, которые работали в лесу. Они были в рваной одежде и так голодны, что поедали кору с деревьев. Наш учитель сказал: "Вы видите их, этих русских. Они похожи на зверей. Они едят траву и кору, содранную с деревьев". Я был отравлен ядом предрассудков, ядом ненависти к другим народам. Яд глубоко проник в мою детскую душу. С большим трудом позднее я начал понимать, что же происходило на самом деле. Я говорю об этом вполне искренне».

Под прямым воздействием разысканий юных историков на «русском кладбище» начиная с 1986 г. в день поминовения усопших стали проводиться богослужения и возложения цветов. Выступая на таком собрании в ноябре 1987 г., Ханс-Вильгельм Хубе, глава реформистско-евангелической общины округа Шаумбург, говорил о переменах, происходивших в сознании граждан Федеративной Республики: «Здесь, на русском кладбище, все мы отягощены воспоминаниями, от которых мы хотели бы избавиться. Мы пытаемся преодолеть то, что не может быть преодолено… Через 40 лет после войны нашей важнейшей задачей является примирение с народами Советского Союза, признание нашей вины по отношению к Советскому Союзу, который понес тяжелейшие жертвы во время войны. Признание этой вины дается нам особенно тяжело». Хубе решительно высказался за отказ от «образа коммунистического врага», который «определяет поведение немцев вплоть до сегодняшнего дня». «Моя вина, – продолжал пастор, – состоит в том, что я раньше не противостоял образу врага». Провозглашая приход «времени примирения», оратор призвал сограждан «строить мосты взаимопонимания между народами».

Осенью 1988 г. на территории «русского кладбища» была совершена совместная поминальная служба католических и протестантских священников, в 1989 г. к ней присоединился глава православной общины в Ганновере. Пастор Шпеер нашел жесткие слова осуждения для жителей Ауэталя, которые десятилетиями стремились забыть о трагедии соседнего концлагеря: «У нас, в центре христианской страны, все знали об этом – и не хотели знать, все видели – и не хотели видеть».

Особую значимость приобрела поминальная служба, которая под девизом «Память и примирение» проходила 21 июня 1991 г., в канун полувековой годовщины агрессии нацистского рейха против СССР. В собрании наряду со священнослужителями и пришедшими гражданами селений Ауэталя приняли участие – вместе со своим учителем Клаусом Майвальдом – школьники, работавшие над изучением истории лагеря.

Пастор реформистско-евангелической общины Мартин Хаусман призвал земляков к формированию нового духа отношений между немцами и русскими: «Должны ли мы вспоминать? Ведь это было так давно. Нужно ли бередить старые раны? Не лучше опустить на прошлое шлейф забвения? Нет, речь идет о будущем, о лучшем совместном будущем для немецкого и для советского народов. Речь идет о примирении между нашими народами... Но примирение и лучшее совместное будущее станут возможными только тогда, когда мы посмотрим правде в глаза и будем просить об отпущении грехов... Это и есть дух Иисуса, произрастающий на почве примирения и мира, и излечивающий от воздействия яда».

С проникнутыми надеждой и тревогой словами выступили участники проекта Саша Цебула и Диана Майер: «Сегодня мы скорбим о всех жертвах, отдавших

1 стр.

6 стр.

свои жизни в 1933–1945 гг. Мы вспоминаем о людях, погибших в концлагерях, которые были расположены у нашего порога. Мы исследовали судьбы этих людей, нас потрясли страдания, которые они переносили. Но мы должны сказать, что во многих случаях в Германии на первый план выходит не примирение, а попытки вытеснить прошлое из памяти. Разве не удивительно: в своем большинстве люди говорят о трудностях послевоенных лет, забывая при этом, что во время войны в Германии несравненно хуже приходилось миллионам иностранцев!.. И все это происходило не где-то там, а здесь, у нас!… Их гибель обязывает нас, живущих. Наш долг – работать для мира, извлекать уроки из прошлого. Эти лозунги не могут оставаться пустыми словами... Гитлер постоянно культивировал предрассудки, враждебность и ненависть по отношению к другим народам. Мы и сегодня можем видеть, как в школьных дворах и на улицах представители праворадикальной молодежи терроризируют иностранных учащихся. Мы противостоим этой новой опасности, мы рассказываем о том, как здесь, у нас в Шаумбурге, осуществлялось господство нацистов. Никто из мертвых не должен быть забыт! Но эти слова останутся только словами, если мы не будем действовать».

В июне 1997 г. длительная поисковая работа учащихся нескольких школ, связанная с «русским памятником» в Ререне, была удостоена премии, учрежденной организацией «Демократическая акция». Обращает на себя внимание формулировка: «За 12 -летние усилия по установке знака памяти о русских пленных». Но это был только начальный этап активной деятельности школьников, ведущейся, по словам Клауса Майвальда, «во имя мира и примирения народов и являющейся противовесом механизмам вытеснения нацистского прошлого из общественной памяти».

Летом 1996 г. Клаус Майвальд был приглашен на работу преподавателя истории в город Бюкебург, в школу имени Гердера, известную своими гуманистическими традициями. Новый учитель быстро завоевал доверие и любовь учеников. На базе школы была создана «историческая мастерская» – добровольное объединение школьников старших классов, предназначенное для поисковой деятельности. Майвальду удалось наладить такие отношения с участниками мастерской, которые (свидетельствую!) не назовешь иначе, как проявлением педагогики сотрудничества.

Школьникам и их наставнику удалось завоевать общегерманское и международное признание. «Протест в истории» – эта проблематика в 1998 г. была предложена для конкурса исторических работ на приз президента ФРГ. Учащиеся школы имени Гердера избрали своей темой биографию их земляка пастора Вильгельма Меншинга (1887–1964). В юности он был миссионером в тогдашней Германской Восточной Африке, в период Первой мировой войны был интернирован англичанами и сослан в Индию, где проникся идеями Махатмы Ганди. С 1922 г. он нес службу приходского евангелического священника в селе Петцинг под Бюкебургом.

Движимый христианским милосердием, во время Второй мировой войны он спас жизнь еврейской девушке Рут Лилиенталь из Берлина, укрывая ее в своем доме. Среди спасенных им были 17-летняя Адейя Шарафутдинова, угнанная в Германию из Ростовской области, и бежавший из лагеря безымянный русский военнопленный. Дочь пастора вспоминала: «Однажды в дождь я шла по улице и увидела насквозь промокшего юношу. Я поняла, что это русский, и сказала: "Иди сюда". Мы пришли в деревню. Я подумала: "Никто не должен его видеть". Мы спрятали его в сарае. Вечером, когда стемнело, мы привели его в дом, чтобы он согрелся. Отец перевез русского к своей прихожанке в Петцен, где он и оставался до конца войны».

Никто из окружающих не знал (не собирался знать) о деяниях Меншинга, умер он в безвестности. Работа учеников школы имени Гердера, удостоенная заслуженной премии, привела к возрождению памяти о выдающемся гуманисте. В селе, где он родился, был установлен памятный камень. Улица, ведущая к церкви, в которой он служил, была названа его именем, телевизионная компания ZDF провела передачу о жизни пастора… В 2001 г. мемориальный центр Яд Вашем в Иерусалиме причислил Меншинга к «праведникам всех народов».

Успех работы о пасторе Меншинге послужил стимулом к новому масштабному проекту – реконструкции истории остарбайтеров в регионе Шаумбург. С середины 80-х годов тема компенсаций за принудительный труд в третьем рейхе оказалась (хотя бы на время) в фокусе общественного внимания, стала темой общественных дискуссий и предметом практической политики ФРГ. В ходе дебатов речь шла не только о компенсациях «забытым жертвам», не только об оценке преступлений нацистской диктатуры, но – о векторе дальнейшего развития Федеративной Республики. В 1986 г. фракция Партии зеленых в бундестаге выступила с законодательной инициативой о контактах с советскими государственными и общественными организациями и выплате компенсаций со стороны ФРГ бывшим остарбайтерам, оказавшихся между жерновами двух диктатур. Тогда же этот вопрос рассматривался в Европарламенте.

Платить предложено было крупнейшим немецким концернам (или их правопреемникам), активно использовавшим труд насильственно угнанных рабочих и получавшим за счет их крови и пота значительные прибыли. Но последовал отказ. Собственники промышленных и финансовых корпораций в полном противоречии с фактами заявляли, что они стали едва ли не жертвой нацистского режима, якобы заставлявшего их применять рабский труд, и, стало быть, не несут (и не могут нести!) никаких финансовых обязательств перед рабами рейха. Ситуация осложнялась тем, что власти СССР никогда не поднимали вопроса о выплате компенсаций своим гражданам, угнанным в Германию.

Дело сдвинулось с мертвой точки только в условиях новой международно-правовой ситуации после объединения Германии и прихода к власти (в 1998 г.) коалиции Социал-демократической партии и партии Зеленых. 12 августа 2000 г. в силу вступил федеральный закон о фонде «Память, ответственность и будущее», были определены равные доли правительства и концернов в общей сумме 10 миллиардов марок. Планировалось перечислить 400 тысячам оставшимся в живых угнанным в Германию гражданам Российской Федерации общую сумму 835 миллионов марок. 30 мая 2001 г. состоялось решение бундестага ФРГ о начале выплат. Компенсацию могли получить те, кто принужден был работать на предприятиях третьего рейха (от 5 до 10 тысяч марок) и батраки, гнувшие спину на немецких крестьян (от 1 до 5 тысяч марок). Условия подачи заявлений для получения выплат оказались весьма сложными. Требовались доказательства (в том числе с немецкой стороны) права на компенсацию, что доставило пожилым исстрадавшимся людям дополнительные тяготы, побудило вспоминать прошлое, которое казалось вычеркнутым из сознания.

Россия Deutschland 2012/13 | Германия и Россия: вместе строим будущее

Соответствуют ли указанные суммы масштабам преступлений, совершенных гитлеровским режимом и немецкими фирмами? Следует напомнить, что правительство ФРГ ежегодно (по данным 1999 г.) выплачивало пенсии бывшим военнослужащим вермахта в сумме 13 миллиардов марок, из них осужденным различными судами военным преступникам – около 5 процентов от этой суммы, т.е. 600 миллионов марок.

В новых условиях существенно изменились задачи детища Клауса Майвальда – «исторической мастерской». Новое содержание получил ее девиз: «За активную память, против забвения». Проблематика истории бесчеловечной эксплуатации подневольных рабочих оказалась неразрывно связанной с практическими мерами помощи бывшим остарбайтерам – помощи моральной, материальной, юридической. Возникли систематические контакты школьников с гражданами России, Белоруссии, Украины, насильственно угнанными в Германию.

Немалое этическое значение для юношей и девушек приобрело понимание того, что перед ними не абстрактные жертвы режима, но –старые, недужные люди, отринутые собственной страной, десятилетиями несшие в себе свою память и свое унижение. Поисковая работа стала органической частью движения германской общественности за альтернативную, негосударственную помощь бывшим остарбайтерам и другим жертвам фашизма.

Принципиально новым направлением поиска было изучение деятельности фирм Бюкебурга, подавляющее большинство которых заявляло, что иностранных рабочих на их предприятиях не было. «Мы стремились, – писали школьники, – направить свой взгляд туда, куда не хотели и не хотят смотреть другие… Мы хотели бы обратиться к региональным фирмам, которые во время войны использовали труд принудительных рабочих, но не участвуют в фонде компенсаций... Мы пытались установить контакты с фирмами, на которых трудились принудительные рабочие, но вынуждены были констатировать, что большинство этих предприятий никак не реагировали на наши запросы. Мы обращались с соответствующими просьбами к местным властям и политическим деятелям… Иногда нас не покидало ощущение, что люди хотят приукрасить тогдашнее время… Но мы были настойчивы, и некоторые наши сограждане должны были все же придти к выводу: не лучше ли рассказать правду, нежели по-прежнему искажать историю».

Все – кроме одного – предприниматели Шаумбурга с самого начала отказались от присоединения к фонду «Память, ответственность и будущее». Только Йозеф Вермер, управляющий каменоломней Штайнберген, заявил о согласии с необходимостью выплаты компенсаций и внес в указанный фонд 500 тысяч марок.

Участники «исторической мастерской» разместили в местных газетах призывы откликнуться тех, кто работал рядом с остарбайтерами, поделиться информацией об условиях их

жизни, передать документы и фотографии. В беседах с учащимися местные жители, как правило, утверждали, что принудительных рабочих они видели редко, а отношение к узникам было «человечным». Но работа в архиве показала, что положение было совсем иным.

На сентябрь 1944 г. в ландкрайзе Шаумбург числилось 5237 иностранных рабочих, из них из них 2551остарбайтеров. В городке Оберн-кирхен принудительный труд использовался на 21 предприятии, в том числе в мясной лавке, в столярной мастерской, в пекарне, в угольном складе, в прачечной, в винном магазине… Не говоря уже о крестьянских хозяйствах в окрестностях поселка.

В числе фирм, отказавшихся от участия в фонде, был стеклозавод «Хайе-Глас». Но, согласно архивным данным, обнаруженным школьниками, в годы войны на предприятии было занято 220 насильно угнанных советских граждан, в том числе 116 мужчин, 99 женщин и 5 детей. Лагерь был расположен на территории завода. Иностранцев (кроме русских, это были поляки, итальянцы, сербы и чехи) систематически избивали, строптивых направляли в концлагеря.

Аналогичным образом повело себя руководство машиностроительного завода «Гемаг», во время войны принадлежавшего княжескому дому Шаумбург-Липпе и производившего детали самолетов. Школьники не только документально доказали, что на фирме работало более 130 принудительных рабочих, но и собрали свидетельства остарбайтеров, гнувших спину в цехах завода.

Школьники установили контакты с работавшими на фирме «Гемаг» остарбайтерами. Александра Гринкевич из Белоруссии вспоминала: «Мы трудились 12 часов в день – от 6 утра до 6 вечера. Мы переносили цемент и кирпичи и так уставали, что засыпали прямо на рабочем месте. Если это замечал надсмотрщик, он бил нас плетью. Еда была плохой: суп из гнилой капусты, брюква и 150 грамм эрзацхлеба. Бараки были переполнены. Дверь на ночь закрывалась наглухо. Вместо туалета – ведро. Вы можете себе представить, что за вонь стояла в бараке. 8 апреля 1942 г. фашисты в нашем селе сожгли заживо моих родных: мать, трех сестер, племянницу. Ровно через три года, 8 апреля 1945 г. нас освободили американские войска. Я могла бы писать дальше, но у меня очень болят руки. Желаю вам мирного неба над головой».

В 1997 г. десятиклассницы школы имени Гердера Генриетта Измер, Нина Майер и Янна Заак завоевали первую премию на конкурсе, посвященном 50-летию земли Нижняя Саксония. Работа была посвящена памяти их сверстника – Василия Гребенника, угнанного в Германию из поселка Мостки Ворошиловградской (ныне Луганской) области Украины и расстрелянного в Штайнбергене в 1943 г. в возрасте 15 лет «за неподчинение охранникам».

В проектах, осуществленных участниками «исторической мастерской», восстановлена история каменного карьера, который с августа 1943 по март 1945 г. являлся филиалом штрафного лагеря для иностранных рабочих.

Гестапо поставляло в карьер – без суда и без указания срока пребывания – иностранных рабочих из 11 стран. Через лагерь прошло около 8 тысяч человек. От недоедания, непосильного труда и побоев погибло более 700 заключенных. До весны 1945 г. через каменный карьер прошло две тысячи узников, которые вручную добывали камень, размалывали его в щебенку и грузили в вагонетки. Кормежка была отвратительной. Зимней одежды и обуви не выдавали, работали штрафники зачастую босиком, с израненными ногами. В 1944 г. энергоснабжение каменоломни было нарушено, и заключенных заставляли толкать голыми руками нагруженные щебнем тяжелые платформы до места погрузки на железнодорожной ветке. Зимой 1943–1944 гг. в лагере свирепствовала эпидемия сыпного тифа.

В работе школьников приведены свидетельства очевидцев: «В начале 1944 г. мимо меня проходила колонна заключенных. Я увидел, что один из них идет босиком, и он жестом попросил у меня какую-нибудь обувку. Неожиданно его вытащили из колонны, и поставили в конец строя. Надсмотрщик ударил его прикладом и крикнул, обращаясь ко мне: "Принесешь ему что-нибудь, сам угодишь за решетку". Больше этого узника я не видел. Мне сказали, что он умер от побоев»; «Когда я проходил мимо барака, я увидел, как под навес сбрасывают брюкву. Отощавшие до предела узники, разгружавшие брюкву, набросились на нее как звери. Возникли охранники и начали бить заключенных до крови. Я никогда не забуду эту картину». По официальным данным, 19 заключенных Штайнбергена были убиты при попытке в бегству, 9 казнены за неподчинение охране, 2 покончили с собой, 10 умерли от истощения . На самом деле погибших было значительно больше. Мертвых не хоронили, их (а иногда и полуживых) сбрасывали в отвал.

Майвальда и его единомышленников не покидала идея о сооружении масштабного мемориала узникам каменоломни. Проект был разработан известным немецким скульптором Хассо Нойманом: из массивной бетонной плиты вырастает наклонный, как бы падающий многотонный каменный блок значительно выше человеческого роста. На его поверхности – четкие отпечатки рук узников, на плите следы их босых ног и кованых сапог охранников. 5 ноября 2000 г. на открытой всем ветрам площадке состоялось торжественное открытие памятника.

Школа имени Гердера – вместе с 33 другими немецкими учебными заведениями – приняла активное участие в международном проекте «Разыскивать следы – наводить мосты», куратором которого был известный общественный деятель граф Отто Ламбсдорф. От имени немецкой молодежи в Германию были приглашены 200 граждан России и Белоруссии, находившихся на принудительных работах во время войны.

Майвальду и его юным единомышленникам пришлось преодолевать значительные трудности, нередко идти против течения. «Мы получали письма о не только готовности помочь, – признавали школьники, – но и резко отрицательного, а иногда и шовинистического содержания. Анонимно, а то и с указанием имени и адреса, нас "предостерегали" от "фальсификации истории"». «Мы просто диву даемся, – говорилось в одном из таких подметных писем, – как, переворачивая прошлое с ног на голову, вы говорите о компенсациях за ущерб, якобы нанесенный какими-то ужасными нацистами». Или: «После работы остарбайтеры могли идти, куда они хотели, и проводить свободное время, как им было угодно. Мне рассказывали, они даже пели и танцевали. Разве это было возможно, если бы их били, унижали и заставляли голодать?».

Результатом многолетнего бескорыстного поиска Майвальда и его учеников стала впечатляющая реконструкция микрокосмоса жизни и смерти советских пленных и остарбайтеров под пятой третьего рейха.

* * *

Неутомимый Клаус Майвальд (на снимке) вместе с новыми – уже четвертым и пятым! – поколениями школьников руководит новыми проектами.

Александр БОРОЗНЯК
Липецк – Москва. 2012 г.

ИЗ НАШЕЙ РОДОСЛОВНОЙ: НОВЫЕ ПОДРОБНОСТИ СРАЖЕНИЯ ЗА МОСКВУ

Героев было не только двадцать восемь

В последнее время стало модным развенчивать всякого рода мифы, в первую очередь связанные с советской историей. Но, увлекшись этим занятием, многие современные исследователи, что называется, вместе с водой выплеснули и ребенка. Это касается и подвига двадцати восьми панфиловцев. Еще в 1990-е годы появились первые публикации, в которых подвиг двадцати восьми панфиловцев ставился под сомнение и признавался литературным вымыслом военных журналистов. Сегодня, по сути, поставлен под сомнение не только сам факт боя с немецкими танками 28 панфиловцев у разъезда Дубосеково, но и героические действия под Москвой всей панфиловской дивизии. Тогда возникает справедливый вопрос: почему, если не было никаких героев-панфиловцев, «доблестные германский войска» так и не смогли захватить Москву?

Зима сорок первого года –
Тебе ли нам цену не знать!
И зря у нас вышло из моды
Об этой цене вспоминать.
А все же, когда непогода
Забыть не дает о войне,
Зима сорок первого года,
Как совесть, заходит ко мне...

Константин СИМОНОВ

В этой статье мы представим на суд читателя новые документы из научного архива Института российской истории (ИРИ) РАН. Это стенограммы бесед с панфиловцами, участниками боев под Москвой, записанные сотрудниками Комиссии по истории Великой Отечественной войны в 1942 - 1947 годах. В них рассказывается о том, как сражалась панфиловская дивизия в ноябре-декабре 1941 года в боях под Москвой. И пусть читатель сам судит, что это было – подвиг или вымысел. Но для начала остановимся на том, какие доказательства приводятся сегодня в пользу того, что подвига 28-ми не было. Как это не удивительно, но оказывается, что вся доказательная база – это всего лишь следственное дело И.Е. Добробабина, одного из шести оставшихся в живых панфиловцев, который был осужден за измену Родине уже после войны. На материалах следственного дела военная прокуратура составила справку о 28 панфиловцах на 11 листах, на основе которой, в свою очередь, была подготовлена информация секретарю ЦК ВКП(б) А.А. Жданову в июне 1948 года на четырех листах. В обоих документах сделан категоричный вывод: «Подвиг 28 гвардейцев-панфиловцев, освещенный в печати, является вымыслом корреспондента Коротеева, редактора «Красной звезды» Ортенберга и в особенности литературного секретаря газеты Кривицкого». Но следователи военной прокуратуры ошибались. Впервые о героических действиях панфиловской дивизии под Москвой в ноябре 1941 года написал не Коротеев, Чернышев (военный корреспондент газеты «Красная звезда») и Кривицкий, а корреспондент Г. Иванов. В своей статье «8-я Гвардейская дивизия в боях» от 18 ноября, которая была помещена в «Известиях» 19 ноября 1941 года – спустя всего лишь два дня после боя у разъезда Дубосеково, – он писал о героических действиях одной из рот воинской части командира Капрова. Приведем полностью отрывок из этой корреспонденции, касающийся боя, который вели подразделения 1075-го полка 16 ноября.

«Немецкое командование начало наступление на левом фланге части командира Капрова. Фашисты бросили в бой 60 танков и до одного полка пехоты. Противник намеревался вклиниться в расположение одного нашего подразделения, форсированным ударом пробить линию обороны и выйти в наш тыл.

Разгадав замыслы врага, тов. Капров произвел перегруппировку, обеспечивая надежное охранение флангов.

В 10 часов утра с опушки леса боевым порядком пошли в атаку неприятельские танки. Они двигались развернутой линией. Наши противотанковые подразделения открыли интенсивный огонь. Во взаимодействии с артиллерией начала действовать наша стрелковая рота. Подпустив фашистов на близкое расстояние, красноармейцы забросали их гранатами.

Группа немецких танков окружили подразделение советских бойцов, открыла кинжальный огонь. Положение становилось угрожающим, но никто из красноармейцев не оставлял своего боевого места. А немецкие танки продолжали двигаться вперед, сжимая кольцо, гремя стальными гусеницами. Было два выхода из положения: или фашистские танки наскочат на наше минированное поле и приостановят атаку, или... надо противотанковыми гранатами, бутылками с зажигательной жидкостью пробить путь вперед, выйти на соединение с основными силами.

Один немецкий танк взорвался на минированном поле, остальные начали обход этого участка.

И тогда свершилось то, о чем нельзя говорить без восторга. Бойцы спрятались в окопах и стали ждать. Оставалось либо выявить себя и быть уничтоженным пулеметным и артиллерийским огнем, либо зарыться в землю, подпустить неприятели на близкое расстояние, забросать его танки гранатами. Люди избрали второе и добились успеха. Как только враг приблизился на 25-30 метров, группа героев обрушила на него шквал противотанкового о гня.

В результате горячей схватки девять танков противника были подбиты, три сожжены, а остальные, не выдержав упорного сопротивления смельчаков, повернули обратно. Отбив атаку, наша стрелковая рота выдвинулась вперед и, пользуясь замешательством врага, соединилась со своей частью».

Что же здесь правда, а что – литературный вымысел? Используя уже известные архивные материалы следственного дела Добробабина, а также неизвестные или малоизвестные материалы стенограмм бесед с панфиловцами из архива ИРИ РАН, мы попытаемся реконструировать обстановку и ход боевых действий 16 - 17 ноября сначала в полосе обороны 1075-го полка, подразделения которого находились возле разъезда Дубосеково, а затем и остальных двух полков панфиловской дивизии – 1073-го и 1077-го. В 1948 году бывший **командир 1075-го полка И.В. Капров рассказывал следователям прокуратуры:** «С раннего утра 16 ноября немцы сделали большой авиационный налет, а затем сильную артиллерийскую подготовку, особенно сильно поразившую позицию 2-го батальона. Примерно около 11 часов на участке батальона появились мелкие группы танков противника. Всего было на участке батальона 10-12 танков противника. Сколько танков шло на участок 4-й роты, я не знаю, вернее, не могу определить. Средствами полка и усилиями 2-го батальона эта танковая атака немцев была отбита. В бою полк уничтожил 5-6 немецких танков, и немцы отошли...» И далее: «Около 14.00-15.00 немцы открыли сильный артиллерийский огонь по всем позициям полка, и вновь пошли в атаку немецкие танки. Причем шли они развернутым фронтом, волнами, примерно по 15-20 танков в группе. На участок полка наступало свыше 50 танков, причем главный удар был направлен на позиции 2-го батальона, так как этот участок был наиболее доступен танкам противника. В течение примерно 40-45 минут танки противника смяли расположение 2-го батальона, в том числе и участок 4-й роты, и один танк вышел даже в расположение командного пункта полка и зажег сено и будку, так что я только случайно мог выбраться из блиндажа; меня спасла насыпь железной дороги. Когда я перебрался через железнодорожную насыпь, около меня стали собираться люди, уцелевшие после атаки немецких танков. Больше всего пострадала от атаки 4-я рота; во главе с командиром роты Гундиловичем уцелело человек 20-25, остальные все погибли. Остальные роты пострадали меньше».

Из стенограммы беседы с Васильевым Илларионом Романовичем, Героем Советского Союза, одним из участников боя 28-ми панфиловцев возле разъезда Дубосеково, который остался в живых. Запись была сделана 22 декабря 1942 года в Москве, в госпитале.

«Приказали окопаться около разъезда Дубосеково. Окопались. Приезжают Панфилов и Капров – командир полка. «Кто вам разрешил здесь окапываться?». Мы говорим: командование. «Не здесь надо окапываться. Вот на этом бугре окапывайтесь, около дороги». Где командование сказало, там и стали окапываться. Мы опять окопались. Взяли лошадей и сани и давай шпалы возить, укрепления делать. У нас с правого фланга была ложбинка, а с левого фланга луг большой, который подходил к линии железной дороги. Дорога как раз шла из деревни Ждановой. Мы на этой дороге окопались и укрепились. Два ряда шпал накатником накатали, замаскировались. Нас назначили в боевое охранение. На горе около деревни Ждановой были большие окопы выкопаны. Я стоял на посту. Не помню какого это было числа, то ли 10-го, то ли 11-го... Вдруг мина пролетела и взорвалась недалеко около этой деревни. Я забежал в избу и говорю политруку Клочкову:

– Из минометов начинают по деревне!

– А много?

– Нет, – говорю, – одна пролетела дурная, но считал долгом вам сообщить. Потом слышу, с той стороны деревни из автоматов стали стрелять по нас. Когда из автоматов стали стрелять, я заскочил в избу и говорю: «Давайте в ружье! Тревога!».

Все повыскочили, похватали винтовки и давай напором идти по этой деревне. В это время начали стрелять по опушке леса. Мы стали отстреливаться. Немцы сперва сопротивлялись, потом стали отступать. Отступать стали в лес. Скопились на опушке леса, тут мы стали ловить их на мушку. Убили мы тут человек 30. Всего их было человек 50. Остальные отошли. Мы - опять на исходные позиции в деревню, повыше поднялись. Смотрим, как раз напротив наших окопов машина за машиной. Десять автомашин идет, пехоту везут. Мы сразу в окопы, по окопам расположились. Они начали стрелять. Там около шести часов держали схватку. Глядим – три танка идут. Нас была человек в 30 группа. Танки идут, а у нас патроны на исходе, нечем стрелять. Связного послали, но связной не вернулся. Бились-бились, политрук Клочков говорит: «Патроны на исходе, давайте отойдем на исходные позиции, потому что нас могут захватить».

Немцы заняли эту деревню Жданово. Боевое охранение послали в Красиково, где стоял второй взвод. Туда пять человек немцев устремились в разведку. Недалеко наш взвод был, а мы находились в окопах около разъезда Дубосековского. Они прибегают и говорят, что много немцев заняли Красиково. Командир роты говорит: «Давай, второй взвод, сейчас же окружить деревню и взять!». Мы эту деревню обошли, выгнали немцев, взяли в плен двух, двух убили, один убежал, три автомата взяли, ручной пулемет взяли. Пришли на исходные позиции опять в Дубосеково. Это было числа 13-го. Мы тут два дня или три побыли. Числа 16-го нам выдавали заработную плату, старшина привез. Мы попеременно ходили получать заработную плату, в ведомостях расписывались.

16-го числа часов в шесть утра немец стал бомбить наш правый и левый фланги, и нам доставалось порядочно. Самолетов 35 нас бомбило.

После воздушной бомбардировки колонна автоматчиков из д. Красиково вышла. Шли они в полный рост. Как раз бугор перед ними был. Они пошли на этот бугор. Мы, конечно, думали, что измена, потому что нет команды огонь открывать, а они подходят совсем близко. Потом сержант Добробабин, помкомвзвода был, свистнул. Мы по автоматчикам огонь открыли. Мы бьем, они, конечно, идут. Это было часов в семь утра. Погода была ясная, мороз, денек хороший был.

Автоматчиков мы отбили. Тут у нас недолгая схватка была. Уничтожили человек под 80. Там не до счету, считать не приходилось.

После этой атаки политрук Клочков подобрался к нашим окопам, стал разговаривать. Он поздоровался с нами.

– Как выдержали схватку?

– Ничего, выдержали.

Мы думали, что, отбив атаку автоматчиков, нам придется продвигаться вперед. Но команды «вперед» нам не дали.

Политрук Клочков заметил колонну танков. Говорит: «Движутся танки, придется еще схватку терпеть нам здесь». Танков шло штук 20. Он говорит: «Танков много идет, но нас больше. 20 штук танков, не попадет на каждого брата по танку». Мы все обучались в истребительном взводе. Ужаса сами себе не предавали такого, чтобы сразу в панику удариться. Мы в окопах сидели.

– Ничего, – говорит политрук, – сумеем отбить атаку танков: отступать некуда, позади Москва.

Стали на той почве, что не будем отступать и все. Бойцы тоже.

Танки стали продвигаться по направлению к нашим окопам, придвинулись совсем близко к окопу. Офицер вылез из танка и закричал: «Рус, сдавайтесь в плен!» Тут сразу в него несколько залпов положили. Но тут изменник вышел с правого фланга, поднял руки кверху, ударился в панику.

Когда мы ехали на фронт, то говорили, что паникерам и трусам нет на советской земле места, их должна карать своя же рука и наша партия.

В него прогремело несколько залпов. Стрелял в него я сам лично.

Приняли бой с этими танками. С правого фланга били из противотанкового ружья, а у нас не было противотанкового ружья. Приходилось выскакивать из окопа. Команду политрук подавал:

– Принять бой с танками. Вылезти из окопов!

Начали выскакивать из окопов и под танки связки гранат подбрасывать. Подбросишь связку гранат под гусеницы танка, сам отбегаешь в сторону и ложишься на землю. На экипажи бросали бутылки с горючим. Взрывы слышали. Что там рвалось, не знаю, только здоровые взрывы были в танках. Если не на экипаж бросишь, то на задний мотор бросишь или на бензиновый бак бутылку с горючим. Как раз перед этим боем, числа 15-го, мы получили бутылки с горючим. Наш истребительный взвод вызвали подарки получать. Говорят: «Подарки привезли, идите получать». Стояли мы тогда в большом селе Петелино. Мы думали подарки, как на северо-западном направлении получали. Приходим туда. Командир роты говорит: «Ну, давайте получать». Открыл ящик, достает. «Не думайте, что подарки только нам, и Гитлеру подарок к празднику». Какой праздник был, я, конечно, не знаю. Мы тогда получили большое количество и бутылок с горючим, и гранат. Мне пришлось два танка подорвать тяжелых. Мы эту атаку отбили, 15 танков уничтожили. Танков 5 отступили в обратную сторону за деревню Жданово. После этой схватки небольшая передышка была, так минут 30, наверное. В первом бою потерь не было. Может быть, были потери с правого фланга. На моем левом фланге потерь не было. Политрук Клочков заметил, что движется вторая партия танков, и говорит: «Товарищи, наверное, помирать нам здесь придется во славу родины. Пусть родина узнает,

9 стр.

ИЗ НАШЕЙ РОДОСЛОВНОЙ: НОВЫЕ ПОДРОБНОСТИ СРАЖЕНИЯ ЗА МОСКВУ

как мы деремся, как мы защищаем Москву. Москва – сзади, отступать нам некуда». Так нам говорил всем. Танки стали приближаться к нам совсем близко. Когда приблизилась вторая партия танков, Клочков выскочил из окопа с гранатами. Бойцы за ним. Но мечта уже была потеряна, настроение было уже не такое, как при первой схватке, нервы уже не такие были. Прямо бежишь, как сумасшедший. Из окопа выскакиваешь, бежишь, зубы состиснув. Думаешь – все равно помирать так помирать, бить так бить. С таким настроением выскакивали из окопов и шли.

В этой последней атаке я два танка подорвал – тяжелый и легкий. Танки горели. Потом под третий танк я подобрался, который был левее меня, танк был тяжелый. Он шел по направлению ко мне. Я подбежал к нему с левой стороны. С правой стороны Петр Сингербаев – казах – подбежал к этому танку. Я помню, что бросил связку гранат. Не помню, в связке было 4-5 или 6 штук гранат. Тут меня ранило. Немец бил из дальнобойных по нас. Когда первая партия группами прошла, он стал бить из крупнокалиберных и дальнобойных по этому месту. Хотел разбомбить, чтобы пропустить второй эшелон танков. Попадания были и по левому, и по правому флангу. Правый фланг отошел, левый фланг отошел, мы остались одни на этом бугорке. Под пятым танком меня ранило. Получил три осколочных ранения и контузию. Меня направили в Павлов Посад в госпиталь.

Когда меня привезли, я уже разговаривать стал, я спросил, где я был. Мне говорят, ты был в санбате, был в дивизионном госпитале, а сейчас на эвакуации. Там меня мало продержали, на эвакуацию отправили».

Шемякин Григорий Мелентьевич, Герой Советского Союза, один из участников боя 28-ми панфиловцев возле разъезда Дубосеково, который остался в живых, направил 24 октября 1942 года в Москву, в Комиссию по истории Великой Отечественной войны свою автобиографию, в которой, в частности, писалось:

«... В 1941 году в июне 23 числа я был призван в Красную Армию. Меня призвали в 316 С.Д. 1075 полк 2-й батальон 5-я рота 1-й взвод 1-е отделение рядовым стрелком. Наша дивизия действовала на московском направлении. Когда был отдан приказ отбросить врага от Москвы, мы вели наступательные бои. Два раза были в окружении. В этих боях я истребил 57 фашистов. В декабре месяце, я не помню какого числа, наш взвод в количестве 28 человек, был в засаде, когда нависла опасность, т.е. на нас двигалось 50 фашистских танков. Командир наш приказал: ни шагу назад, за нами Москва! Между фашистскими танками и нашим взводом завязался жестокий бой.

Я сам лично забрасывал танки врага гранатами и бутылками с жидкостью. В этом жестоком бою земля горела вместе с фашистскими танками. Мы в дружном бою не отступили, выполнили воинскую присягу и приказ своего командира. Танки от нас дальше не пошли. Они были уничтожены нами. Сколько с нас осталось живых, я помнить не могу, ибо во время боя я был тяжело ранен в левую ногу... Я был без сознания. В этом и заключается мой героический подвиг. С поля боя меня эвакуировали в Москву. С Москвы я попал в город Медногорск в госпиталь, там я пролечился 3 месяца...»

Из стенограммы беседы с Шемякиным Григорием Мелентьевичем от 3 января 1947 года. Запись сделана в Алма-Ате.

«Вначале мы поехали на Ленинградский фронт на станцию Крестцы. Оттуда нас перебросили под Москву.

Первый бой мы принимали у совхоза Булычево. Немец все лезет. Мы объявились добровольцами, набрали гранаты, бутылки с горючей смесью и пошли на разъезд Дубосеково. Когда мы подошли, мы начали рыть себе окопы.

Когда мы в совхозе Булычево принимали бой, мы разбились заново. Я попал из 5-й роты в 4-ю. Тут говорят:

– Кто пойдет в качестве добровольцев истреблять танки?

Мы пошли. Из нашего района был Конкин Григорий. Мы были с ним все время. Конкин из совхоза Чапаева, я из совхоза Ворошилова. Мы с ним все время были вместе. Мы подошли добровольно. Набрали гранаты, бутылки, противотанковые ружья. Стали копать окопы. Приезжает генерал Панфилов, говорит:

– Вам здесь не место, можете здесь разместиться.

Нас перевели к самому разъезду Дубосеково, метров за двести. Там выкопали окопы. Копать было трудно: земля была мерзлая.

Утром 16 ноября налетают немецкие самолеты, стали нас бомбить. Пробомбили – улетают. А мы остались целы. Смотрим – идет пехота, автоматчики, человек сто. Мы их подпустили к себе вплотную.

Сержант Добробабин подал сигнал свистом. Мы поняли, а немцы в этот момент опешили – откуда свист. Они считали, что после бомбежки никого нет. Мы открыли по ним огонь. Мы их человек 80 уложили, остальные убежали.

У нас были два пулемета, два противотанковых ружья, бутылки с жидкостью, гранаты и винтовки.

В этот момент подошел политрук Клочков. Поздоровался. Нас стало 29.

Когда пошло на нас 20 танков, один струсил. Мы его расстреляли. Осталось нас опять 28. Тут командовал политрук Клочков, он говорил:

– Не страшно. Немного танков идет: на каждого не хватает по танку, ничего, не страшно. Когда мы стали драться, сбили 15 танков, 5 повернули обратно. Там был такой дым, что ничего не было видно. Из противотанкового ружья я сбил два танка.

После того, как мы сбили 15 танков, а 5 танков повернули назад, на нас пошли еще 30 танков. Политруку Клочкову говорят:

– Вы ошиблись: вы говорили, что не хватает по танку на брата, а сейчас больше, чем по два.

Он говорит:

– Ничего, не страшно. Велика Россия, но отступать некуда: позади Москва.

Вначале было страшно, но потом озверели так, что и страха не было. Когда дрались с последними танками, осталось танков 6 или 7. Два кинулись на меня. Я в первом успел перебить гусеницу, второй наступает на меня. Я забегаю в окоп. Танк перебегает через окоп. Когда танк перескочил через окоп, я выскочил из окопа, перебиваю гусеницу. Когда танк загорелся, откуда-то получился взрыв. Меня ударило в левую ногу, ногу перебило, я потерял сознание. Очнулся в Москве.

Я помню только Гришу. Когда он кинул гранату в танк, в это время из дыма выскочил другой танк и раздавил его . Там трудно было что-нибудь видеть. Смотришь только за собой.

Из остальных героев я знал Конкина, Митина, Добробабина, Васильева. Митина и Конкина я знал потому, что мы были в одном взводе. С Конкиным мы из одного села, из соседних колхозов. Когда мы пошли в армию, мы все время были вместе. В этом бою я был ранен и контужен. Меня подобрали и отправили в Москву. Из Москвы меня эвакуировали в Медногорск. Там я лежал до марта 1942 года...»

Из стенограммы беседы с Ветковым Андреем Акимовичем, гвардии майором, начальником штаба 1075 полка. Запись беседы сделана 4 января 1947 года в Алма-Ате.

«... Во время боя в Дубосеково я был помощником начальника штаба полка. По условиям службы я обязан был находиться в войсках.

16 ноября наш полк стоял так: один батальон занимал высоту 251,0, рубеж от деревни Петелино, на самом левом фланге был сначала пулеметный взвод, который потом усилили, дав до полувзвода пехоты. Левее нас около трех километров не было никого, до следующей части. Этому значения не придавали, поскольку там было заболоченное место, лес, и это было как боевое охранение. Мы с командиром 15 ноября были там в окопах, проверяли всю оборону до боя. Вечером, когда оттуда уезжали, там было 28 человек, командиром был Клочков. Он возглавлял всю эту группу. Провел он там беседу. Когда мы с командиром полка уезжали, он стал проводить беседу. Мы перед этим слушали лекцию о втором фронте. Он начал проводить беседу о втором фронте. Комиссара полка Мухамедярова вызвали в один из полевых госпиталей.

17 ноября вечером мы отошли после того, как 16-го продержались. Рубеж, который защищали 28 панфиловцев, был оставлен ночью с 16-го на 17-е. Там был Натаров. Он рассказывал об этом бое.

У нас никто значения этому не придавал, может быть, неправильно, считали эпизодом, которых было много, как проявление героизма, которых было много.

Натаров был вынесен оттуда. Он рассказывал об этом бое и сказал, что все погибли, кроме меня. Когда подошли к ним на помощь человек пятьдесят, то там бой уже закончился, и немцы заняли первые окопы.

Наша часть начала атаку. Немецкая рота, которая там была, была выбита оттуда, но потом мы получили приказ оставить этот рубеж, отойти на следующий».

Из стенограммы беседы с Мухамедьяровым Ахмеджаном Латыповичем, гвардии подполковником, комиссаром 1075-го полка. Запись беседы сделана 17 октября 1944 года на станции Перхушково.

«В середине ноября месяца они окончательно решили перейти в решительное наступление. Тут проявление массового героизма 28 героев панфиловцев. Эти 28 героев – особая группа, которая проявила исключительный героизм, но в эти самые дни было проявление героизма массового порядка и в других братских полках.

Про 28 героев я не хочу рассказывать, потому что это вам хорошо известно, могу рассказать о других товарищах, в частности, о тов. Клочкове, политруке... За боевые подвиги, проявленные в первых боях под Волоколамском, представлен к правительственной награде ордену Красного Знамени. И он был награжден орденом Красного Знамени. О нем мы были очень хорошего мнения.

Считали 4-ю роту самой надежной, такой ротой, которая могла нести службу на самых ответственных участках. Неспроста она была поставлена на разъезде Дубосеки (так в документе - К.Д.), на левом фланге нашего полка...»

И далее: «Когда немцы повели наступление на участке второго батальона, в частности 4-й роты, они прорвать там не могли – двадцать восемь не пропустили. Тогда немцы взяли правее, повели наступление на 5-ю роту того же 2-го батальона. Наступление повели танками, автоматчики сидели на танках, 5-я рота приняла на себя всю тяжесть этого боя. Дралась стойко. Не было ни одного случая ухода с боя. Танки зашли на оборонительный участок этой роты и начали ходить по траншеям, просто давить своими гусеницами бойцов и командиров не только давить гусеницами, но обливать какой-то горючей жидкостью, от которой все моментально воспламенялось.

Бойцы дрогнули, некоторые стали проявлять трусость, тогда политрук Вихрев вмешался в это дело, обеспечил стойкость. Когда образовался прорыв на самом правом фланге роты, он побежал туда. Отбивались гранатами и бутылками с «кс» до последнего человека. Был такой момент. Немецкий танк шел прямо на него. Когда он был в метрах 10-15, то боец, который остался с Вихревым, поднял руки, хотел сдаться немцам в плен. Будучи тяжело раненным, Вихрев набрался мужества и пристрелил этого бойца-изменника, а сам с гранатой и бутылкой бросился под танк, который шел на него. Танк взорвался.

За это проявление героизма мы представили Вихрева к званию Героя Советского Союза посмертно. Он погиб, но опять-таки немецкие танки на этом участке не прошли. Немцы потеряли больше десяти танков, которые напирали на эту роту, и вынуждены были отойти».

Из стенограммы беседы с Джетпысбаевым Балтабеком, гвардии майором, командиром 3-го батальона 1073-го полка. Запись беседы сделана 2 января 1947 года в Алма-Ате.

«В ночь с 15-го на 16-е ноября сидели с Клочковым до двух часов ночи. Потом легли отдохнуть, готовиться к бою.

Моя рота стояла метрах в 500 от Клочкова. Клочков стоял со своей ротой у самой железной дороги, я стоял левее. Малик Габдулин командовал ротой автоматчиков.

С утра 16 ноября начали бой. К нам подошли 4 немецких танка. Два из них подбили, два вырвались. Два раза атака была. Атака была отбита.

Большинство танков пошло в район разъезда Дубосеково, где Клочков погиб. Мы видели: поворачиваются и туда идут танки. Там шел бой.

Командиром второго батальона в это время был майор Решетников, комиссаром батальона был Трофимов. В этот день с утра до позднего вечера не могли прорваться немцы. Много самолетов бомбило наши позиции, танки и пехота».

Из стенограммы беседы с Трефиловым Александром Степановичем, гвардии каитаном 1073-го полка. (Дата записи беседы не указана; лист-заверитель в деле от 29 декабря 1942 года.)

«Наша дивизия, согласно разработанному плану, должна была наступать. Мы знали наличие сил противника. Против нас сконцентрировалось 6 дивизий. Противник воспользовался нашей медлительностью и упредил нас. Вместо нашего наступления противник большим количеством танков сам начал наступать, прорвался через 75-й полк, который был на левом фланге, оставил 6 танков, подбитые 1-м батальоном».

Из стенограммы беседы с Сухановым Александром Александровичем, гвардии капитаном, командиром батальона 1073-го полка. (Дата записи беседы не указана; лист-заверитель в деле от 29 декабря 1942 года.)

«16 ноября немцы возобновили наступление и 17 ноября прорвались из Волоколамска на Дубосеково, где стояла 4-я рота 75 полка и где колонне танков преградили путь горстка храбрецов в 28 человек, стойко отражавшая атаку 50-ти немецких танков (Повиг 28).

К 16 ноября положение было таково. 2-й батальон обороняет Ядрово, 3-й батальон вовсе не существует, остатки его влились во 2-й батальон, так как большая часть погибла в боях за Волоколамск и на подступах к городу. 1-й батальон, находясь в резерве дивизии, обороняет ст. Матренино, Горюны, 2-я стрелковая рота находится в районе отметки 231,5.

Немцы в количестве 30 танков в районе Дубосеково прорывают оборону 75 полка и выходят на Ядрово, прямо к лесу по направлению к штабу полка.

Мы принимаем короткий, непосильный бой и небольшая группа штабных работников и приштабных подразделений».

В политдонесении начальника политотдела 316-й сд Галушко в политотдел 16-й армии за 17 ноября 1941 года сообщалось, что, несмотря на самоотверженность личного состава 1075-го полка в боях, 16 ноября противника остановить не удалось, поскольку противотанковая оборона оказалась весьма слабой.

Итак, с чем можно согласиться? С тем, что противник, упредив наше наступление на Волоколамск 16 ноября, сам начал в этот день вести активные боевые действия (начало второго ноябрьского наступления на Москву) в полосе обороны 316-й стрелковой дивизии Панфилова, нанеся основной удар по ее левому флангу, где держал оборону 1075-й полк полковника Капрова. Причем первыми приняли на себя удар небольшие подразделения (до взвода) истребителей танков, которые окапывались на танкоопасных направлениях, перекрывая в первую очередь шоссе и дороги, ведущие к Москве. Как видно из воспоминаний Васильева, их подразделение накануне боев 16 ноября представляло собой небольшую группу человек в тридцать. Несмотря на героические действия бойцов и командиров 4-й и 5-й рот, которые смогли успешно отразить первые атаки противника, во второй половине дня немцам все же удалось прорвать линию обороны 1075-го полка и выйти в тыл соседнего 1073-го. А что же происходило в это время рядом?

Оказывается, что не менее героически дрались с немцами оба других полка! И наряду с подвигом 28 панфиловцев у разъезда Дубосеково, о котором в скором времени будут писать во всех газетах, был подвиг 17 бойцов из 1073-го полка в районе села Мыканино и подвиг 11 саперов из 1077-го в районе села Строково, о которых мы мало знаем даже сегодня, спустя 70 лет после битвы под Москвой. И наш долг вспомнить о них, о тех, кто своими жизнями отстоял Москву в 1941-м.

Баурджан Момыш-Улы писал в своей книге «Психология войны»:

«17 ноября стало днем наиболее яркого проявления массового героизма солдатами и офицерами нашей дивизии. Справедливо называют подвиг 28-ми образцом героизма, но в тот день это было не единичным случаем. В этот же день на участке 1077-го полка, в районе деревни Строково 11 саперов ведут борьбу с 20 танками противника и героически погибают. В этот же день в районе деревни Мыканино 17 бесстрашных под командованием лейтенанта Угрюмова и политрука Георгиева ведут гранатный бой против 25 танков. Из 17 человек уце-

«В середине ноября месяца они окончательно решили перейти в решительное наступление. Тут проявление массового героизма 28 героев панфиловцев. Эти 28 героев – особая группа, которая проявила исключительный героизм, но в эти самые дни было проявление героизма массового порядка и в других братских полках».

ИЗ НАШЕЙ РОДОСЛОВНОЙ: НОВЫЕ ПОДРОБНОСТИ СРАЖЕНИЯ ЗА МОСКВУ

лело только двое, и они подбили восемь танков. Немцы вынуждены были повернуть назад.

В районе деревни Ядрово, в тылу 2-го батальона 1073-го стрелкового полка младший лейтенант Исламкулов Мухаметкул и лейтенант Огуреев, случайно очутившись в тылу с 20 стрелками, отражают атаку батальона немецких автоматчиков.

В этот же день в районе Дубосеково против 50 танков ведут борьбу под командованием Клочкова 28 бойцов 4-й роты старшего лейтенанта Гундиловича 1075-го полка полковника Капрова (Гундилович впоследствии погиб в чине майора). В этот же день проявили массовый героизм 80 стрелков командира Семена Краева, политрука Ахтана Хасанова, на станции Матренино 120 стрелков под командованием лейтенанта Филимонова Ефима Ефимовича и 90 стрелков под командованием лейтенанта Танкова в деревне Горюны на Волоколамском шоссе.

Вот сколько случаев имели место 17 ноября 1941 года, а не только подвиг 28-ми. Если мужество каких-либо групп, подразделений или отдельных бойцов осталось неотмеченным, то это не делает чести командиру, руководству, значит, они не до конца выполнили свой долг. Было бы совершенно несправедливо и неумно, если бы мы успех всех героев целиком и полностью считали заслугой 28-ми. Они были и есть – 28, и я до земли преклоняюсь перед их мужеством.

Считаю его образцом массового героизма, но когда говорят, что они были единичны, это уже не делает чести дивизии. Вторая сторона дела – почему герои обязательно погибают, почему их не выручают? На самом деле были приняты все меры, как со стороны генерала Панфилова, так и Капрова, Гундиловича, но все старания были безуспешными, потому что сила есть сила, и превосходство противника есть превосходство. Основой побед нашей дивизии против шести дивизий противника являлись хорошие боевые качества солдат и командиров и действия генерала Панфилова как руководителя. Массовый героизм был присущ бойцам не только в день 17 ноября, а везде и всюду. Что такое массовый героизм? Это борьба, техника, искусство ведения боя, поведение солдат и офицеров. Восемь человек не победят 80 никогда, но сила все-таки есть сила, но, как гласит казахская поговорка, кулаком убьешь одного, умом - тысячи. Суворов говорил, что побеждают не числом, а уменьем.

8-я дивизия вышла против шести немецких дивизий не кулаком, а умом офицеров и солдат своих, искусством ведения боя».

Предельно ясно: подвиг 28 героев-панфиловцев был, в годы войны он сыграл исключительную мобилизующую роль, став примером стойкости, мужества и самопожертвования. В жестоких боях на подступах к Москве 8-я гвардейская дивизия нанесла противнику большой урон в живой силе и технике. Находясь на направлении главного удара на волоколамском направлении, она не пропустила немцев к Москве...

А вот как вспоминали о подвиге семнадцати в селе Мыканино.

Из стенограммы беседы с Логвиненко Петром Васильевичем, гвардии подполковником комиссаром 1073-го полка, позднее начальником политотдела 8-й гвардейской дивизии. Запись беседы сделана 26 - 27 декабря 1946 г. в Алма-Ате:

«О дивизии судили по подвигу 28 героев. Я опубликовал статью в «Красной звезде» и доказал, что дело не только в 28. Тот эпизод, к которому мы подходим, и есть показатель, что в дивизии не было подразделения, которое бы чем-то не отличилось по своему мужеству и стойкости. В одинаковой степени стойко все дрались...

28 героев вели бой в Дубосеково. Тут фактически не 28, а вели бой 3 роты, из которых выделились 28.

В районе села Мыканино действовала группа истребителей танков во главе с политруком Георгиевым. Был придан этой группе командир взвода Горюнов. Здесь произошел этот эпизод...

Когда сосредоточились в районе Мыканино, снова начался бой. В этом районе группа истребителей во главе с Георгиевым, Горюновым вступила в бой с танками. Тут тоже было много танков, и они часть подбили. Во всяком случае остановили танки. Танки нас не преследовали.

Когда эту группу инструктировали, а мне лично пришлось ее инструктировать, им было сказано, что они должны держать район моста, умереть, но танков не пропустить через мост.

Перед тем как эта группа в 17 человек была выстроена в лесу, им был отдан приказ держать бой, переданы все гранаты, которые у нас имелись.

Когда мы с ними закончили беседу, они подтвердили, что умрут, но с поля боя не уйдут. Я имел такую привычку: я всегда с бойцами целовался, провожая их в бой. Я с ними попрощался, потом выступает Георгиев и говорит: «Товарищ комиссар, разрешите передать вам партбилет. Может быть, я там погибну. Я бы хотел, чтобы мой партбилет никто не топтал».

Я этот партбилет взял, подержал в руках, посмотрел, развернул, потом показал бойцам, потом взял билет и говорю: «Вот товарищи, большевистский документ. Брать у вас его не буду. Идите с ним вместе и защищайте Родину».

Из стенограммы беседы с Ветковым Андреем Акимовичем:

«Этот день 16 ноября мы вообще считаем днем, когда дивизия утвердила свои традиции, свою боевую славу. Кроме этих двадцати восьми, был подвиг семнадцати саперов, подвиг одиннадцати».

Вручил ему этот партбилет, и они отправились, а через два часа истребитель Карпов мне этот партбилет приносит. Я его сохранил. Долго я его в дивизии держал. Всем, кто от меня получал партбилет, я его показывал.

У меня были партбилет Панфилова и этот партбилет Георгиева, и партбилет Никулина. Эти три партийных документа лежали на столе, когда я вручал партийные документы. Кроме того, лежала медаль, старая гвардейская медаль. Мы ее нашли под землей, два метра в земле, когда траншею копали, первая русская гвардейская медаль, выданная гвардейской части в день столетия со дня формирования первой гвардейской русской части. Эти четыре реликвии дивизии всегда находились при мне. Я их показывал бойцам, проводил беседы вокруг них.

Когда группа истребителей вела бой, причем очень долго вела бой, Георгиев бросил несколько гранат, подорвал два танка. Потом уже не было противотанковых гранат. Он взял связку пехотных гранат, 4 штуки, на близкое расстояние подполз к танку, хотел бросить. Когда встал, ему прямо в грудь выстрелили.

Товарищам я сказал: если он погибнет, билет должны вернуть. Они принесли мне его планшет с билетом».

Из стенограммы беседы с Мельниковым Леонидом Евгеньевичем, одним из участников подвига 17-ти, который остался в живых. В 1942 году – комендант штаба 1073-го полка. Запись беседы сделана 6 октября 1942-го:

«Комиссар Логвиненко приказал нашей разведке и истребительному отряду пойти в с. Мыканино разведать точно силы противника: сколько танков, сколько живой силы. Нами было обнаружено около десяти немецких танков и больше батальона немцев.

В 4 часа утра 17-го был приказ командира и комиссара полка занять оборону под Мыканино, а в 5 часов утра противник перешел в наступление.

Наш истребительный отряд залег в овраге, по дороге на мост, к которому двигались немецкие танки. Они двигались по бугру из Мыканино к мосту, на поляну, стараясь пройти вовнутрь нашей обороны. Танки продвигались к мосту и тут были встречены истребительным нашим отрядом, который залег в овраге.

Первый танк был подбит нашей гранатой, вслед за ним подбит и второй танк. Группа немецких автоматчиков, которая двигалась за танками, была уничтожена преимущественно из моего автомата. Их было около 70 человек. В это время из нашего строя выбыл командир истребительного отряда Угрюмов (убит), помкомвзвода Кравченко, командир отделения Миндубаев, ком. отделения Гороненко ранены и еще 13 бойцов были убиты. В разгар боя нас оставалось только три человека – комиссар истребит. отряда Георгиев, боец Галиев и я (Мельников). Георгиев приказал: с поста не уходить – таков приказ Сталина.

Мы собрали гранаты с убитых товарищей и приняли бой с 12 танками, которые направлялись мимо нас к мосту.

За это время мы продвинулись ближе к бугру, повыше. Комиссар приказал взять в руки по гранате и одним броском попасть под танк. В ту минуту, когда мы приготовились бросить гранаты под танки, встав на колени, прямой наводкой с немецкого танка убило комиссара. Мы остались вдвоем с Галиевым.

Нам удалось подбить еще два танка, бутылкой зажгли еще один, а остальные повернули назад.

Я дал Галиеву приказание: расследовать путь нашего отступления. Он пришел и доложил, что есть выход оврагом через речку в нашу часть. Я сидел и наблюдал за отходящими танками.

Тем временем я собрал партийные и другие документы Угрюмова и Георгиева и вместе с Галиевым отошли по оврагу, нашли свою часть. На моем «счету» было три подбитых танка и два совместных. В историю полка этот случай вошел под названием «подвиг семнадцати». Я доложил комиссару, что проделано нашим истребительным отрядом, доложил и о понесенных потерях и вручил комиссару документы погибших партийцев. Комиссар Логвиненко обнял меня, поцеловал. Он сказал: «Молодец! Задача выполнена честно». После этого боя меня комиссар назначил своим связным для выполнения заданий комиссара».

Из стенограммы беседы с Амбаловым Петром Михайловичем, гвардии капитаном, комиссаром батальона 1073-го полка (дата записи беседы не указана; не раньше октября 1942-го):

«Немцы прорвали левый фланг, где стоял 75-й полк, и в окружную вышли с 34 танками на командный пункт полка, обогнув Ядрово, а другая колонна танков прорвалась к Ядрово...

И тут появились 17 бесстрашных истребителей танков. Логвиненко ставит задачу: прикрыть дорогу, чтобы танки не прошли. У бойцов были противотанковые гранаты и винтовки. И когда танки появились на дороге, бойцы изничтожили много танков, и почти все погибли. Оставшиеся танки бросились в бегство».

Из стенограммы беседы с Трефиловым Александром Степановичем, гвардии капитаном из 1073-го полка (дата записи беседы не указана; лист-заверитель в деле от 29 декабря 1942 года):

«В тот момент, когда я дал несколько позывных выстрелов, стоя на взгорке, в это время происходил бой с танками. 17 бесстрашных героев сдерживали натиск 14 танков в селе Мыканино, одним из 17 и был наш Мельников, комендант нашего полка теперь...

...Танки двигались из Шишкино. Их было 14. Надо было задержать их во что бы то ни стало. И комиссар полка тов. Логвиненко дал приказ:

– Задержать танки во что бы то ни стало! Этот приказ он передал комиссару истребительного батальона Георгиеву.

Тогда Георгиев вместе с 16 бойцами-истребителями танков заявил: «Танки не пройдут!..»

И танки не прошли.

Из стенограммы беседы с Мухамедьяровым Ахмеджаном Латыповичем, гвардии подполковником, комиссаром 1075-го полка. Запись беседы сделана 17 октября 1944 года на станции Перхушково:

«Был случай на другом участке. По самому Волоколамскому шоссе стояла рота тогда 273 с.п. На эту роту немцы повели наступление с танками. Немцы хотели во что бы то ни стало прорвать нашу оборону на этом участке расположения этой роты. Рота во главе с политруком решила обороняться, не пропускать немцев. Рота отбивала атаки противников. Дело дошло до того, что осталось 17 человек...» А вот как панфиловцы рассказывали о подвиге одиннадцати саперов в селе Строково.

Из стенограммы беседы с Логвиненко Петром Васильевичем 26 - 27 декабря 1946 года в Алма-Ате:

«В это время в 1077-м полку тоже шел бой с танками. Все это в один и тот же день. Бой шел день и ночь, фактически сутки. Командир полка Шехтман, комиссар Мухамедяров. Что произошло в этом бою, мы узнали только через год, потому что люди, которые дрались с танками, все погибли, и никто из них не вернулся. Оказывается, в районе Строково был оставлен заслон из 11 саперов во главе с политруком Павловым и командиром взвода».

Из стенограммы беседы с Логвиненко Петром Васильевичем 26 - 27 декабря 1946 года в Алма-Ате:

«В это время в 1077-м полку тоже шел бой с танками. Все это в один и тот же день. Бой шел день и ночь, фактически сутки. Командир полка Шехтман, комиссар Мухамедяров. Что произошло в этом бою, мы узнали только через год, потому что люди, которые дрались с танками, все погибли, и никто из них не вернулся. Оказывается, в районе Строково был оставлен заслон из 11 саперов во главе с политруком Павловым и командиром взвода (фамилия не указана)...

Через год произошло следующее. По этому пути двигалась бригада наших войск. Весна, начал оттаивать снег. В одном окопе всплыли наверх трупы. Они открыли блиндаж и обнаружили 10 трупов. Они начали расспрашивать население, кто был здесь. Они сказали, что была 316-я дивизия. Население сохранило документы Павлова. Рассказывали, что они вели бой с танками, несколько танков подбили. Подбитые танки не могли дальше двигаться. Вся группа была уничтожена. Командир взвода был ранен и попал раненый в руки немцам. Они бросили его под танк и на глазах у населения растоптали его. Население собрало все труппы и спрятало в траншее. Все одиннадцать саперов посмертно награждены орденом Ленина».

Из стенограммы беседы с Кургановым Леонидом Николаевичем, гвардии майором, в июле - декабре 1941-го - секретарь партбюро 1077-го (30-го) полка, с января по июль 1943 года - секретарь парткомиссии 8-й гвардейской дивизии. Запись беседы сделана 20 декабря 1946 года в Алма-Ате:

«Возьмем в 30-м полку группу саперов из 11 человек во главе с коммунистом Криворучко, командиром роты, командиром взвода Фирсовым. Эта группа в тот же день, когда 28 героев защищали один из рубежей под Москвой, не установлено точно, сколько на них напало танков, но совершенно очевидно, что это было несколько десятков танков. Все эти 11 саперов до единого погибли, проявив исключительный героизм и мужество.

Коммунист Фирсов, возглавлявший эту группу, был тяжело ранен. Немцы вытащили его раненого на дорогу, и потом десяток танков прошел через него. Мы установили это на Северо-Западном фронте из частного письма односельчанина этой деревни, которую эти 11 саперов защищали. Он видел это и написал сперва в Западный фронт Жукову и Булганину, а Жуков и Булганин переслали это письмо нам. Нашли обрывок газеты, подписанный редактором Павлом Кузнецовым, и по этому обрывку газеты установили, что речь идет об этих 11-ти. Я хочу сказать, что этот подвиг 11 героев, - им, правда, не было присвоено звание героев, но они были награждены посмертно орденом Ленина, – этот подвиг видел житель этой деревни. Он писал, что Фирсов был втащен еще живым под танк, и через него проходили десятки танков в виде мести».

Из стенограммы беседы с Мухамедьяровым Ахмеджаном Латыповичем 17 октября 1944 года на станции Перхушково:

«Еще пример. На самом правом фланге нашего 277-го полка, правее Волоколамска, проявили героизм 10 бойцов и 11-й политрук. Обороняли одну дорогу, выходящую на Волоколамское шоссе. Там небольшой мостик был. Им было приказано оборонять этот мост и ни в коем случае не пропускать ни одного танка, ни одного немца, в случае чего взорвать мост, а самим драться до последнего человека.

Эти десять человек во главе с политруком приняли бой. Туда направились танки в сопровождении пехоты. Пехоту они отбили от танков. Танки пропустили через себя, сами остались в траншеях. Отбили атаку пехоты противника. Несколько раз немцы пытались атаковать, обойти, уничтожить или захватить эту группу. Они дрались до последнего. Теряли убитыми, ранеными, но противника не пропускали. Танки, видя, что пехота не двигается за ними, направились обратно. В то время, когда танки стали уходить обратно, они подорвали несколько танков.

После этого немцы опять предприняли атаку. Этот бой продолжался несколько часов. Эти одиннадцать панфиловцев-гвардейцев дрались до последнего человека, последним погиб сам политрук. Трупы остались на дороге около этого места.

Потом нам рассказывали живые свидетели из местного населения, что действительно мост был взорван и танки не могли проходить по этому мосту. Когда до одного человека их перебили, немцы подошли. Несколько человек тяжелораненых лежали без сознания, их они добили и трупы панфиловцев положили на мост. Эти трупы заменяли бревна, через них они ездили и проходили. Это было на другой день после проявления героизма двадцати восьми. Местное население рассказывало, что всех они вынесли и похоронили в братской моги-

11 стр.

ИЗ НАШЕЙ РОДОСЛОВНОЙ: НОВЫЕ ПОДРОБНОСТИ СРАЖЕНИЯ ЗА МОСКВУ

10 стр.

ле. Все одиннадцать саперов были представлены к правительственной награде. Все они посмертно награждены орденом Ленина».

Как видим героизм в эти дни был массовым.

В чем же опасность нового мифа, отрицающего подвиг панфиловцев? А в том, что авторы опять говорят полуправду. Они не говорят о том, как приходилось сражаться людям тогда, осенью - зимой 1941 года, что это само по себе было подвигом: не было ни авиации, ни танков, ни артиллерии, противотанковые ружья только-только привезли в дивизию.

Из показаний И.В. Капрова в мае 1948 года:

«Техникой дивизия была очень слабо оснащена, особо плохо обстояло дело с противотанковыми средствами; у меня в полку совершенно не было противотанковой артиллерии - ее заменяли старые горные пушки, а на фронте я получил несколько французских музейных пушек. Только в конце октября 1941 года на полк было получено 11 противотанковых ружей, из которых 4 ружья было передано 2-му батальону нашего полка, в составе которого была 4-я рота». - «Я не помню сейчас, были ли противотанковые ружья в 4-й роте, но повторяю, что во всем 2-м батальоне было только 4 противотанковых ружья».

Из стенограммы беседы с Ветковым Андреем Акимовичем, гвардии майором, начальником штаба 1075-го полка. Запись беседы сделана 4 января 1947 года в Алма-Ате:

«Мы занимали очень широкий фронт. Наша дивизия занимала в обороне до 20 километров по фронту».

Из стенограммы беседы с Поцелуевым-Снегиным Дмитрием Федоровичем, гвардии майором. Сначала командир батареи, командир дивизиона, позднее – начальник штаба артиллерийского полка, начальник штаба артиллерии дивизии. Запись беседы сделана 20 декабря 1946 года в Алма-Ате:

«...За все бои, которые длились непрерывно около 40 дней, мы ни разу не видели наших самолетов. Раза два промелькнула, как сумасшедшая, наша дальняя авиация. Танков наших мы не видели, за исключением 4-х танков в районе Голубцова. Но их сразу подбили, они загорелись...

Что самое страшное, мы проклинали ясную погоду под Москвой, мы ненавидели ясную погоду. Но здесь и пурга, и метель, а они все равно летают и бьют, и бьют... Обстановка была такая, когда в пехотном полку оставалось по 70 человек. А то никогда не забуду эпизод, как я искал себе наблюдательный пункт на одной из дач. Вышел, смотрю: лежит казах с энергичным лицом, с воспаленными глазами и по телефону кричит: «Я все сделаю. Со мной вместе 71 человек». Это был старший лейтенант Момыш-Улы. Командир его полка был ранен, и он был легко ранен в позвоночник, но командовал полком. Такая была обстановка».

Из стенограммы беседы с Семикопенко Пантелеймоном Романовичем, гвардии майором. В панфиловской дивизии первая должность – политрук штабной роты 762-го батальона связи, потом – помощник командира 762-го батальона. Запись беседы сделана 2 января 1947 года в Алма-Ате:

«Насчет танкобоязни. Танков не боялись, так как их не видели, но шум слышали. Противотанковые средства были. Во-первых, знали, что гранаты являются силой, которая бьет танки. Горючая смесь в бутылках давалась. В эти дни танков не боялись. Но когда немцы пошли в наступление и мы отошли от Волоколамска, тут некоторая боязнь была. Лезет, а бить нечем: не все были вооружены гранатами.

Силы воли и внушения было вполне достаточно для того, чтобы не бежать, а вести сопротивление. Этими средствами сопротивления были гранаты, которые бросали в танки, а больше всего спасали «катюши».

При этом панфиловцы сражались умно. Вот как о тактике «спирали» Панфилова писал в своей книге «Психология войны» **Бауржан Момыш-Улы:**

«Второй основной тактический замысел Панфилова – это отвлечение противника в сторону от основного его направления, от направления на Москву. Поэтому Панфилов отходил то вправо, то влево от большака, а противник вынужден был преследовать его. Цель этого маневра опять-таки заключалась в том, чтобы задержать противника и тем выиграть время...

Дойдя до деревни Матренино, где оказались немцы, нам, чтобы перейти большак, пришлось принять бой. Остановлюсь на эпизоде перехода большака.

Для того чтобы немцам не дать возможности двигаться, Панфилов это место преградил, перерезав дорогу. Когда Панфилов занимал свою основную позицию, он не стремился к большаку, а обходил его. Противник вынужден был, чтобы обеспечить себе нормальное движение по большаку, отбросить на 5 - 10 километров части Красной Армии. Этим Панфилов отвлек противника в сторону, добился распыления его сил и проигрыша времени для немцев. Потом снова рывком он становился на пути противника.

Здесь яркое проявление «спирали» Панфилова. «Спиралью» я это называю потому, что все бои панфиловской дивизии под Москвой характерны тем, что она перерезала путь, отскакивала в сторону и увлекала за собой противника, отводила его километров на десять, потом рывком снова становилась на его пути, снова уходила. Такими маневрами силы противника распыляются, наши части снова выходят на большак.

Это в настоящем смысле слова изматывание противника давало выигрыш во времени. Этот опыт сейчас применяется уже многими генералами и полковниками. В послевоенное время эта «спираль» войдет в военную историю, и я надеюсь, что авторство Панфилова будет признано...»

Из стенограммы беседы с Поцелуевым-Снегиным Дмитрием Федоровичем 20 декабря 1946 года в Алма-Ате:

«Принял командование полковник Шелудько, очень беспомощный, очень трусливый, очень неорганизованный человек. Мы не привыкли к такому командованию. Стали попадать в такое положение, когда противнику стало удаваться нас разрывать, окружать отдельные части. И по традиции, по инерции

> **Из стенограммы беседы с Амбаловым Петром Михайловичем, гвардии капитаном, комиссаром батальона 1073-го полка (дата записи беседы не указана; не раньше октября 1942-го):**
>
> *«И тут появились 17 бесстрашных истребителей танков. Логвиненко ставит задачу: прикрыть дорогу, чтобы танки не прошли. У бойцов были противотанковые гранаты и винтовки. И когда танки появились на дороге, бойцы изничтожили много танков, и почти все погибли. Оставшиеся танки бросились в бегство. Комиссар истребительного отряда, политрук Георгиев, командир истребительного отряда Угрюмов погибли геройской смертью. Погибли геройской смертью, но танки противника в район Матренино не прошли».*

или по воспитанной Панфиловым привычке мы как-то интуитивно умели находить друг друга. Если сегодня мы были разбиты, то завтра противник снова видел сплоченную дивизию. Это удивительное качество, воспитанное Панфиловым.

Немцы ночью боя не вели. За день нас раскромсает, разорвет, сметет. Немцы покончили и ложатся спать. Мы идем по деревне и слышим, как поют, храпят, а мы ночью выбиваемся из сил, тянем орудия, боеприпасы. Назавтра утром он начинал в 6 часов, как закон, и он видел перед собой вновь фронт нашей дивизии. И опять 2-3 дня стоим, колотим и никуда...»

Из стенограммы беседы с Семикопенко Пантелеймоном Романовичем 2 января 1947 года в Алма-Ате:

«Как правило, немецкие моторизованные дивизии шли по дороге, а мы шли лесом. Мы не отходили в сторону, не отходили далеко, но обходы делали и по шоссейным стратегическим путям занимали линию обороны... К декабрьским боям проводилась большая подготовительная работа и в области техники, и в области политической работы. Бойцы были хорошо обмундированы, хорошо обеспечены питанием. Получили отдельные экземпляры ПТР.

Мы к этому времени получили новое подкрепление из Казахстана...»

В отличие от многих современных российских исследователей, которые стараются всячески умалить подвиг советских солдат и командиров в битве под Москвой в 1941 году, западногерманские историки еще в середине 1980-х признали бесспорным тот факт, что на подступах к Москве солдаты вермахта столкнулись с героическим сопротивлением советских войск.. Вернер Хаупт в книге «Битва за Москву. Первое решающее сражение Второй мировой. 1941 - 1942» пишет: «Здесь немцы столкнулись с фанатичным сопротивлением новых сибирских дивизий, которые не желали сделать ни шагу назад. Русские не испугались танков с крестами на башнях, атаковали их средствами ближнего боя и освобождали дорогу только мертвыми».

Если мы посмотрим на доводы, которые были выдвинуты военной прокуратурой, то увидим целый ряд несоответствий и нестыковок в этом деле. Во-первых, как мы уже об этом говорили в начале статьи, первым, кто написал о подвиге панфиловцев 1075-го полка, был Г. Иванов, а не Коротеев, Чернышев и Кривицкий, которые, по мнению следователей военной прокуратуры, якобы и выдумали подвиг 28-ми панфиловцев. В первой публикации нет никаких 28 героев, двух-трех десятков подбитых немецких танков, которые появятся в позднейших текстах. Более того, у Иванова количество подбитых немецких танков – девять, причем сгоревших – три. Это число не сильно расходится с той цифрой, которую называл в своих показаниях в 1948 году бывший командир полка Капров – 5-6 танков. Интересно, что такую же цифру «6 танков подбитые 1-м батальоном», называет Александр Трефилов, который в 1942 году давал интервью сотрудникам Комиссии по истории Великой Отечественной войны и вспоминал бои панфиловской дивизии под Москвой.

Также бесспорно, что в эти дни, 16-17 ноября, подвиг был массовым, не только 28-ми, а всех рот, всех полков дивизии, о чем говорил следователям **Капров**: «В этот день у разъезда Дубосеково в составе 2-го батальона с немецкими танками дралась 4-я рота и действительно дралась героически, причем из роты погибло свыше 100 человек, а не 28, как об этом писали впоследствии в газетах... В разговоре со мной Кривицкий заявил, что нужно, чтобы было 28 гвардейцев-панфиловцев, которые вели бой с немецкими танками. Я ему заявил, что с немецкими танками дрался весь полк и в особенности 4-я рота 2-го батальона». Но ведь об этом еще летом 1942 года написал в газете «Красная звезда» комиссар 1073-го полка Логвиненко!

«16 ноября было не только днем двадцати восьми, но и днем массового героизма панфиловской дивизии, стоявшей насмерть против 5 фашистских дивизий, в том числе двух танковых. Расскажу лишь о некоторых эпизодах этого исторического дня.

Немецкие танки устремились вперед разными дорогами. У разъезда Дубосеково их остановили двадцать восемь героев. Второй отряд – 27 танков – двигался с другой стороны Волоколамского шоссе, пытаясь выйти в тыл панфиловцам. В деревне Строково был оставлен заслон – одиннадцать саперов во главе с младшим лейтенантом Фирстовым и политруком Павловым. Ни один не побежал, когда показались танки. Подбив несколько машин гранатами, они на целый день задержали здесь немцев.

Третья колонна танков в этот же день была остановлена взводом истребителей Толгарского полка, которые вошли в историю дивизии под именем семнадцати бесстрашных...

Так сражались в этот день панфиловцы. Не хватит газетной страницы, чтобы перечислить все подвиги этого дня...»

Трудно согласиться с тем, что за отход с рубежа и большие потери командир полка Капров и комиссар полка Мухамедьяров «были отстранены от занимаемых должностей и восстановлены после того, когда дивизия вышла из боя и находилась на отдыхе и доукомплектовании», как это пытались в 1948 году представить следователи военной прокуратуры. Скорее всего, это была временная мера со стороны Панфилова, обусловленная той сложной оперативной ситуацией, которая сложилась 16-17 ноября, в начале немецкого наступления, когда противник прорвал полосу обороны всех трех полков дивизии. На это, в частности, указывает в своих воспоминаниях **Момыш Улы.** Он писал: «Немцы прорвали фронт. И через Дубосеково стремятся на Ядрово, Амельфино. Идет бой в Гусенево, на 1-й батальон 1073-го полка, со стороны Ядрово, Покровское, Матренино, Дубосеково наступает противник. К вечеру 17 ноября ко мне на КП являются командиры 1073-го стрелкового полка Елин, полковник Капров, командир одного противотанкового полка в чине майора. В этот день я захваченные документы оправлял в штаб – четыре мешка бумаги. В 12 часов ночи меня к телефону вызывает генерал Панфилов и требует доложить обстановку. Я доложил. Тут же сообщил, что на моем командном пункте находятся полковник Капров и Елин. После моего доклада Панфилов мне приказывает: «Примите командование всей группой». Я еще раз пытаюсь ему доложить, что у меня на пункте имеется полковник, но генерал Панфилов сказал: «Примите вы»...

Я вернулся на КП и сказал, что генерал Панфилов приказал мне принять командование. Я отдал команду и стал командиром группы, но только в течение шести часов. В этих обстоятельствах мне очень понравилось поведение полковника Капрова, его большая выдержка, он беспрекословно подчинился приказу генерала Панфилова. Вот это умение повиноваться и есть положительная черта этого человека...»

Из воспоминаний Малика Габдуллина, старшего политрука 1073-го полка, Героя Советского Союза, о Бауржане Момыш-Улы:

«Зашло солнце. Стало темнеть. Бауржан только сел ужинать, как к нему вошли командир 1075-го полка полковник Капров и командир своего полка майор Елин. Оба выглядели утомленными, на лицах была усталость и недосыпание. Их полки целый день провели в боях и, не выдержав натиска врага, были вынуждены отступить.

Оказалось, что оба командира точно не знают, где находятся их штабы и куда отступили их полки. Бауржан подал им кушать. В это время генерал вызвал Бауржана к телефону и стал расспрашивать о его ситуации. Бауржан рассказал.

– Вы задержите всех бойцов и командиров, которые придут к Вам, и никуда их не отпускайте. Они будут в Вашем подчинении, – сказал генерал. При этом разговоре присутствовал Бозжанов, и он хорошо слышал это приказание генерала. Но Бауржан постеснялся прямо сообщить об этом распоряжении генерала старшим командирам.

– Товарищ полковник! – обратился он к Капрову. – Сюда начинают стекаться люди из разных частей. Вы среди нас старше всех чином, так что берите командование над всеми нами.

Бозжанов, услыша это, вскочил с места и сказал:

– Аксакал, командуйте нами. Никому не давайте нас!

Это заявление Бозжанова, как кнутом, хлестнуло по самолюбию Бауржана и он объявил:

– Согласно приказанию генерала, я назначен командиром этой группы, и вы переходите в мое подчинение...

Майору Елину это не понравилось, но он промолчал, а Капров повторил несколько раз «хорошо, хорошо» и этим ограничился. Бауржан дал необходимые распоряжения.

– Вы примите меры и разыщите ваши штабы и полки, – сказал он Капрову и Елину. В ту же ночь генерал вызвал к себе обоих командиров полков».

Отметим тот немаловажный факт, что в конце концов не Капров, а Елин был отстранен от должности командира 1073-го полка. Новым командиром полка с 26 ноября 1941 года стал старший лейтенант Бауржан Момыш-Улы, чей полководческий талант раскрылся в ходе оборонительных боев под Москвой. Но почему-то об этом факте нет никакого упоминания в материалах военной прокуратуры.

Не выдерживает никакой критики и довод той же прокуратуры о том, что не мог сказать таких слов политрук Клочков, что это литературный вымысел Кривицкого и только. **Писатель Валентин Осипов** считает:

«Еще одно утверждение – это-де Кривицкий выдумал клич политрука «Велика Россия, а отступать некуда. Позади Москва!»...

Что же я выявил? Во-первых, чувства своей особой ответственности за Москву Клочков выражал в письмах жене. Во-вторых, примерно такими призывами в эти критические для Москвы дни были пронизаны обращения Панфилова и каждый номер дивизионной газеты. Так как же политруку не впитывать напечатанное и по своей прямой обязанности не перелагать соратникам. И заключительное: очеркист имеет полное творческое право домысливать кое-что из жизни своих героев, но при одном условии - верность общей правде, а она соблюдена».

Из стенограммы беседы с Семикопенко Пантелеймоном Романовичем 2 января 1947 года в Алма-Ате:

«В первых числах декабря держали связь непосредственно со Сталиным, от него принимали радиограммы. Я лично принимал, например, такое распоряжение из Кремля:

«Позади Москва. Отступать некуда». В соответствии с этим каждый давал обязательство, что ни на один шаг не отступит, и практически это осуществлял».

Из стенограммы беседы с Поцелуевым-Снегиным Дмитрием Федоровичем 20 декабря 1946 года в Алма-Ате:

«В одну из ночей вызывает штаб полка. Сурово встречает. Всегда сурово встречал, а тут особенно подтянуто. Мы трое: командир дивизиона, комиссар дивизиона и комиссар полка. Наш старик, как мы его называли, в крестьянской избе, при свечах, прочитал нам следующие слова: «Приказ. Прошу вас продержаться до 2

12 стр.

ИЗ НАШЕЙ РОДОСЛОВНОЙ: НОВЫЕ ПОДРОБНОСТИ СРАЖЕНИЯ ЗА МОСКВУ

Героев было не только двадцать восемь

11 стр.

декабря. И. Сталин». Старик больше ничего не мог сказать. Отвернулся, засопел. Потом вдруг свирепо повернулся, тявкнул:

– По местам!

И мы все ушли на свои рабочие места с одним сознанием, что теперь только через трупы – никуда. Не надо было нам ничего объяснять. Все было понятно. Совершенно необъяснимо, как это передается. Передавалось это всему составу нашей дивизии». Тот же Осипов справедливо замечает: «...а так ли, что комполка занялся увековечением памяти героев лишь в апреле 1942-го, когда ему будто бы приказали подписать заготовленные штабом дивизии наградные дела?» Оказывается, все было иначе. Еще в январе(!) Капров и комиссар полка направляют письмо вдове Клочкова. И помимо восторженных оценок подвига написали о том, от чего потом, в 1948 году, Капров отрекся: о том, что «он представлен к высшей правительственной награде – ордену Ленина с присвоением звания Героя Советского Союза». В январе! Не в апреле! Было и о полном доверии Кривицкому. В письме, в частности, говорилось следующее: «Посылаем Вам вырезку из газеты «Красная звезда» от 22 января 1942 года со статьей о 28-ми павших героев и снимком, сделанным у могилы на разъезде Дубосеково».

Подтверждение этому мы находим в документах Комиссии по истории Великой Отечественной войны.

Из стенограммы беседы с Васильевым Илларионом Романовичем, Героем Советского Союза, одним из участников боя 28-ми панфиловцев возле разъезда Дубосеково, который остался в живых. Запись беседы была сделана 22 декабря 1942 года в Москве, в госпитале:

«...На следующий день я письмо получаю из дома. Домой я письма слал, но при этой эвакуации туда-сюда я не получал писем из дома. Жена мне пишет: я не верю, что ты жив, потому что я получила похоронное от командира полка письмо, в котором он пишет: «Ваш муж Васильев Илларион Романович погиб под Москвой на славном посту героем в числе 28 героев. Вышлите фотокарточку с него для того, чтобы напечатать в газете. Многое о нем узнаете, когда будете читать газету».

Нестыковка и в том месте справки военной прокуратуры, где указывается, что «в августе 1942 года Военная прокуратура Калининского фронта вела проверку в отношении Васильева Иллариона Романовича, Шемякина Григория Мелентьевича и Шадрина Ивана Демидовича, которые претендовали на получение награды и звания Героя Советского Союза как участники героического боя 28 гвардейцев панфиловцев с немецкими танками». Но этого не могло быть летом 1942-го, так как Шадрин в это время находился в немецком плену!

Не выдерживает никакой критики и довод о том, что впервые стало известно о шести панфиловцах, оставшихся в живых, в 1948 году и поэтому якобы военная прокуратура сразу же решила во всем разобраться.

Однако еще в конце 1942-го из газетных публикаций вся страна узнала, что двое из 28 панфиловцев – Васильев и Шемякин – остались живы и им были вручены высшие награды. И никого тогда это не удивило и не заставило усомниться в подвиге 28-ми. Вот как об этом вспоминали сами панфиловцы.

Из стенограммы беседы с Васильевым Илларионом Романовичем 22 декабря 1942 года в Москве, в госпитале:

«...Когда на фронт приехали, привезли и Шемякина, меня спрашивают: «Ты знаешь Шемякина?» Я говорю, что я его знаю. Он тоже меня знает. Но что он показывает, то и я показываю...»

Из стенограммы беседы с Ветковым Андреем Акимовичем 4 января 1947 года в Алма-Ате:

«Васильев после тяжелого ранения попал в один из строевых железнодорожных батальонов Средней Азии. Когда вышел указ, он заявил, что он – Васильев Илларион Романович. Жив остался Джевига, командир роты. Васильева привезли к нам, чтобы его опознали. У нас в полку ко всем документам относились очень бережно. У нас сохранились все листки присяги офицерского состава, у нас сохранились списки на получение зарплаты. Несмотря на то, что мы все время отступали, когда, кажется, можно было не смотреть за всякой бумажкой, у нас все это сохранилось. Нам легко было восстановить.

Когда привезли Васильева, мы посмотрели ведомость выплаты заработной платы, сличили подпись с подписью в книге, где принимал присягу рядовой красноармейский состав. Потом представили Жеваго. Когда спросили:

– Кто это?

– Это наш старшина.

Там у нас, в боевой обстановке, ему вручили награду».

В связи с этим возникает целый ряд закономерных вопросов: почему вдруг дело Добробабина привело следователей военной прокуратуры в 1948 году к столь далеко идущим выводам о том, что подвига 28-ми, о котором знала вся страна, вообще не было, что это сплошная легенда и выдумка?! Почему бывший командир 1075-го полка Капров в 1948 году показал, что никакого боя 28 панфиловцев у разъезда Дубосеково не было, хотя в январе 1942-го сам направлял документы на награждение погибших? Почему не были допрошены в качестве свидетелей по этому делу оставшиеся в живых непосредственные участники боя у разъезда Дубосеково Шемякин и Васильев, которым были вручены высокие правительственные награды еще в 1942 году?

Вопрос в том, кому это было выгодно? Возможно тому, кто копал под Георгия Константиновича Жукова и его окружение. Ведь именно Жуков был одним из главных инициаторов награждения 28 панфиловцев. Собирая в 1948 году компромат против маршала, можно было использовать в случае чего и этот документ и предъявить ему, Жукову, обвинение еще и в том, что во время войны он сам выдумал подвиг панфиловцев. Но это всего лишь наша версия. Этот вопрос требует тщательной проработки документальных материалов в архивах.

А подвиг панфиловцев, пусть даже посредством только лишь 28 героев, сыграл огромную мобилизующую роль. Летом 1942 года, когда Красная армия несла вновь, как и год назад, тяжелые поражения на фронте, он вдохновлял на борьбу с немецкими захватчиками защитников Сталинграда и Воронежа.

Пусть традиции 28 панфиловцев будут знаменем победы сегодня. Нужно сражаться с той стойкостью, которая дала им победу. Наше противотанковое ружье сегодня гораздо сильнее, чем в дни битвы под Москвой. У нас больше оружия для борьбы с танками. И хотя враг напрягает все силы, мы должны остановить и погнать вспять немецкие бронированные машины. Нет большего счастья сегодня, чем защищать родину. И если придется за нее отдать жизнь, то нужно знать, что отчизна сделает бессмертными имена героев. Драться насмерть - это значит завоевывать бессмертие и побеждать врага». Маршал Советского Союза Дмитрий Тимофеевич Язов пишет: «Как бы то ни было, подвиг 28 героев-панфиловцев в годы войны сыграл исключительную мобилизующую роль. Он стал примером стойкости для защитников Сталинграда и Ленинграда, с их именем наши бойцы отражали яростные атаки врага на Курской дуге... На мой взгляд, подвиг бойцов, остановивших врага у разъезда Дубосеково, бесспорен. Сожженные вражеские танки говорят сами за себя. Другой вопрос, что число героев не следует ограничивать цифрой 28. В полосе обороны 316-й дивизии, в том числе у разъезда Дубосеково, эффективно сработала система противотанковой обороны, созданная под руководством генерала Панфилова. Танкоопасные направления прикрывались не только отрядами истребителей танков, но и артиллерией, и инженерными препятствиями... Стойко и мужественно сражались и другие части и подразделения дивизии. И в этот, и в последующие дни». Так что версию военной прокуратуры стоит отправить туда, где ей самое место, - в архив. О подвигах же панфиловцев нужно говорить в полный голос.

Константин ДРОЗДОВ,
кандидат исторических наук.
«Родина»

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ

Фонд Максимилиана Кольбе Через «Сострадание»

Как сообщила в редакцию Председатель Попечительского Совета благотворительного фонда «Сострадание», член Экспертного совета при Комитете Государственной Думы РФ по общественным объединениям и религиозным организациям Елизавета Викторовна Устинова, программой Фонда Максимилиана Кольбе (Германия) в ноябре-декабре 2012 года будет оказана благотворительная помощь выжившим узникам фашистских концлагерей. В рамках этой программы начат сбор сведений о претендентах на помощь. В перечень регионов, касаемых программой, с количеством (по данным Минздравсоцразвития и прогнозам некогда существовавшего фонда «Взаимопонимание и примирение» на 2011 год) узников фашистских концлагерей, которые нуждаются в материальной помощи, входят: Астраханская обл. – 12, Владимирская – 26, Вологодская – 6, Ивановская – 20, Республика Карелия – 24, Краснодарский край – 134, Костромская – 8, Липецкая – 15, Мурманская – 11, Новгородская – 43, Нижегородская – 55, Пермский край – 34, Псковская – 52, Ростовская – 362, Рязанская – 26, Самарская – 58, Ставропольский край – 63, Тамбовская – 13, Татарстан – 25, Тверская – 51.

Руководители региональных и местных объединений жертв нацизма, активисты местных организаций, бывшие узники фашизма могут принять участие в программе фонда Максимилиана Кольбе. По вопросам розыска нуждающихся концлагерников и организации мероприятий встреч бывших узников с представителями фонда М.Кольбе связываться с фондом «Сострадание»:

Телефон: +7 495 771 02 03
E-mail: sostradanie@gmail.com
Почтовый адрес (для письменных обращений): 119331 Москва, Россия, а/я 41 "Сострадание"
http://www.sostradanie.org/

НАША СПРАВКА

Немецкий Фонд Максимилиана Кольбе организует встречи и помощь россиянам - бывшим узникам фашистских концлагерей с 90-х годов. О волонтёрах фонда знают в Москве и Московской области, в Санкт-Петербурге и Ленинградской области, в Белгородской, Брянской, Калужской, Воронежской, Курской, Орловской, Тульской, Волгоградской, Саратовской и Калининградской областях. Через российский фонд «Взаимопонимание и примирение» волонтёры немецкого фонда передавали подарки узникам фашизма, проживающим на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке. Как выглядят визиты немецких волонтёров? Вот что рассказывает г-жа Данута Т.Конечны, организатор таких встреч.

– Обычно мы приезжаем на неделю и посещаем пострадавших по месту жительства. Проводится встреча со всеми узниками, проживающими в районе, кто не в состоянии придти – посылает своего доверенного, некоторых мы, вместе с представителем райсобеса или ветеранской общественной организации, навещаем дома. В зависимости от количества узников, каждый день проводится одна или две встречи. Устраивается совместный обед в ресторане. Каждому узнику вручается денежный подарок в 50 евро. Презент весьма скромный, чисто символический, но каждому приятный. На таких встречах многие радуются своим знакомым, с которыми не виделись многие годы. Иногда соседи только во время встречи узнают, что у них одна и та же судьба. Один раз встретились две женщины, которые, будучи девочками, спали рядом на лагерных нарах, и после войны у них никогда не было связи между собой. Встречи скрашивают одиночество – обычный спутник людей, переживших концлагеря, побуждают замкнутого человека рассказать о своей судьбе, поделиться с товарищами своими заботами, а также радостью. В свою очередь, гости из Германии рассказывают о своей стране и её людях.

Сегодня фонд М.Кольбе при административном содействии российского фонда «Сострадание» и при поддержке общественных объединений бывших малолетних узников фашизма расширяет рамки своего многолетнего проекта и готов послать своих волонтёров в те российские регионы, где они ещё не бывали.

– По мере финансовых возможностей мы намерены включить в список опекаемых фондом бывших узников Алитуса, Саласпилса, Витебска («5-ый полк»), Рославля и других жутких мест, созданных гитлеровцами в годы войны. – Завершила свой рассказ г-жа Данута Т.Конечны.

ЕДИНСТВЕННАЯ В МИРЕ!

ГАЗЕТА ЖЕРТВ НАЦИЗМА

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
Л. К. СИНЕГРИБОВ
(Улан-Удэ)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:
В. Я. ГЕРАСИМОВ (Минск)
Н. А. МАХУТОВ (Москва)
Т.Е. ПОЯТО (Тирасполь)
В.А. ПОЗДНЯКОВ (Московск. обл.)
Л.В. ПУНИНСКАЯ (Минск)
В.Т. РОЩУПКИН (Москва)
Л. Н. ТИМОЩЕНКО
(Даугавпилс)

КОМПЬЮТЕРНАЯ ВЕРСТКА
Дмитрий ИВАНОВ
(Улан-Удэ)

УЧРЕДИТЕЛЬ:
Международный союз бывших малолетних узников фашизма

РАБОЧИЙ ЦЕНТР В МОСКВЕ:
101830, г. Москва,
М. Харитоньевский пер., 4.
Тел.: (495) 923-9168
Факс: (495) 135-3097
E-mail: safety@imash.ru

РАБОЧИЙ ЦЕНТР В КИЕВЕ:
Украина, 01103, г. Киев,
ул. Киквидзе, дом 6-а,
помещение 43.
Телефоны (380) 285-64-17

ИЗДАТЕЛЬ:
Региональный общественный благотворительный фонд "Газета "Судьба".

АДРЕС:
Россия, Республика Бурятия,
670047, г. Улан-Удэ,
ул. Барнаульская, 60

АДРЕС РЕДАКЦИИ:
Россия,
Республика Бурятия,
670047, г. Улан-Удэ,
ул. Барнаульская, 60

Телефон: 8 (3012) 64-47-90
для связи с редактором
8-3012-484610 (с 14 до 17 по московскому времени).
Факс: 8-301-2-45-75-20
E-mail: sudba2009@yandex.ru

ПОДПИСНОЙ ИНДЕКС
31112

ПЕРЕПЕЧАТКА БЕЗ СОГЛАШЕНИЯ С РЕДАКЦИЕЙ НЕ ДОПУСКАЕТСЯ

ПЕЧАТЬ:
ОАО "Республиканская типография"
670000, г. Улан-Удэ,
ул. Борсоева, 13,
телефон 21-37-77.

Подписано в печать
4.08.2012 г.
Время подписания: 21-00

Тираж 2600 экз.
Заказ №

Газета зарегистрирована Министерством печати и информации РФ.
Регистрационное свидетельство 0110549.

Выпуск осуществлён при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям

Просьба к читателям, рассчитывающим на переписку с редакцией: в своем письме высылайте конверт с обратным адресом. Рукописи не возвращаются.